

СЕРГЕЙ ТАМБОВСКИЙ

18+

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

ИМПЕРИЯ

ОТХОДИТ ОТ КРАЯ

Сергей Тамбовский

Империя отходит от края

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Тамбовский С.

Империя отходит от края / С. Тамбовский — «ЛитРес: Самиздат», 2019

2 книга цикла 'Империя на краю'. Попаданец из 2017 года в 1977 отработал в колхозе и возвращается домой в г.Горький, формулирует наконец, что он собирается сделать (теория доктора Бадмаева), устраивает первое в стране ТСЖ в своем доме, пытается сколотить группу единомышленников, влюбляется и теряет свою любовь, спекулирует монетами и джинсами, с разной степенью успеха, и еще много чего делает. В итоге оказывается у разбитого корыта... ну не у совсем разбитого, но у сильно покореженного корыта. Говорит себе, что проигран бой, но не сражение и готов продолжить начатое, уже учась в политехе. Содержит нецензурную брань.

Сергей Тамбовский

Империя отходит от края

Первый раз на первый курс

В свой первый учебный день я решил машину оставить в гараже и проверить работу городского транспорта на своей так сказать личной шкуре, как там оно и где. До улицы Минина, где собственно располагались основные корпуса политеха, из наших автозаводских ипений можно было добираться тремя разными способами – 1) на 40 автобусе (был еще 60-й, по маршруту тот же 40, но суперэкспресс, всего 6 остановок до Минина, но его то вводили, то отменяли) через Молитовский мост – Лядова – Свободу, 2) на 1 автобусе (и здесь был экспресс-вариант под названием 1э, но судьба его тоже была мягко говоря не совсем стабильной) через Москарик и Канавинский мост и наконец 3) на двух трамваях с пересадкой, сначала на 11-м, потом на двойке по городскому кольцу. Метро не рассматриваем, потому что его у нас пустили только в 85 году, да и то очень усеченный участок из 6 станций.

3-й вариант был самый непроходной, полтора часа минимум, и зимой в трамваях был страшный колотун, так что у студентов он не котировался совсем. 2-й вариант был несколько лучше, но если это был чистый первый автобус, то это опять-таки час с хвостиком, ибо останавливался он у каждого столба, если не чаще, 1э еще туда-сюда, но как я уже сказал, он то появлялся, то исчезал, и интервалы у него были великоваты. Так что грубо говоря при всем богатстве выбора другой альтернативы, кроме 40 автобуса у студентов и не было – 35-40 минут в любое время суток, пробок-то в это время еще не изобрели. И все бы было замечательно, если бы в этом мешке с сахаром не притаилось бы одно большое «но»... В сороковуху эту надо было суметь залезть, они все шли битком забитые по утрам в город (верхнюю часть города у нас так и называли «город», а нижняя считалась типа деревней), а по вечерам оттуда. Или пилить в кольцо, но это плюс 20-25 минут ко времени езды, это ж во сколько из дома выходить-то надо было?

Первая смена в политехе начиналась в 7.30, поэтому чтобы попасть туда вовремя (а некоторые преподаватели ой как не любили опоздания), из моего автозаводского дома на проспекте Кирова надо было выходить когда? Правильно, за час-15, час-20. Сначала либо пешком до Универмага, либо на трамвайчике до Главной проходной ГАЗа (и с трамваями тоже не все было так гладко, как хотелось бы – в 7 часов начиналась первая смена на ГАЗе, и работяги штурмовали трамваи, как французы свою Бастилию), а далее как повезет. Сороковые по утрам редко на остановках вставали, чаще либо до, либо после нее метров за 50-100 (если конечно кто-то выходил, а если никто, совсем мимо пронеслись). И бегай-лови их, если хочешь успеть ко времени.

Конкретно в этот первый учебный день мне несказанно повезло, не успел я дойти до остановки «Главная проходная», переходил проспект Ленина, сойдя с трамвайчика, как прямо рядом тормознул нужный автобус, высадил пару человек, а я с радостью влез туда вместо них и поехал на учебу спрессованный не хуже, чем маринованные селедки в бочке. Но каждый день конечно так везти не будет, надо что ли копейку снова расчехлять... вот на вторую смену (все четные семестры у нас будут во вторую), которая начинается в час дня, ехать одно удовольствие – пусто, светло, стерильно, там пожалуй и без копейки хорошо будет.

А пока ровно 40 минут, и я на улице Минина возле первого корпуса (того самого, да, который сегодня ночью должен погореть), 200 метров дальше и наш 5 корпус... необъятное все-таки заведение этот политех, только на Минина 5 корпусов, а еще общага на Лядова, где тоже учатся, а еще корпуса в Сормово, на Автозаводе и в Дзержинске, а еще стадион Водник и лыжная база на Щелоковском хуторе. 15 тыщ студентов одновременно обучаются, целая

дивизия, а значит командовать этим делом должен не меньше, чем генерал-майор, на нашем радиофаке больше полутора тысяч человек, здесь и полкан пойдет, а вообще всех факультетов 11 штук.

На площадке между нашим 5-м и соседним 4-м (такой же, только зеркально отраженный) уже толпится народ, построение здесь очевидно будет, где меня наверно наградят, если конечно медаль доехала. Праздник, да, что-то мне это напоминает... вот если б девочкам банты приделать, а мальчикам ранцы на спины и цветочки в руки – точь-в-точь первый раз на первый курс. А вот и старые колхозные знакомые – Славик, Витюня, Жорик, Виталя и (трам-та-да-дам) Танюша, я уж и забыл про нее совсем, а зря наверно...

– Привет, Таня, ну как ты? В целом?

Таня буркнула что-то сквозь зубы и отвернулась. Ну не очень-то и хотелось, хотя...

– На машине поди приехал? – вместо приветствия сказал Славик.

– Не, машина в ремонте стоит, на сороковом добирался, – ответил я, – а у тебя что и как? Чем неделю-то эту занимался?

Славик оказывается ничем не занимался, сказал, что пиво пил. А ты чем?

Да тоже почти ничем... разве что сколотил первое ТСЖ в стране, нашел и потерял свою первую, можно сказать, любовь, пытался спекулировать джинсами и книжками, безрезультатно правда, чуть не заимел отца из райкома, но чуть не считается, создал музыкальную группу и написал для нее 5 песен, но группа развалилась вдребезги, побывал главным подозреваемым в деле по убийству и напоследок переспал с мамочкой лучшего друга... ну бывшего лучшего друга конечно... но это все я только подумал, а вслух сказал:

– Да так, обои переклеил, старые отвалились совсем...

Да, и где-то в это время мимо меня продефилировала (именно так, продефилировала как по подиуму, демонстрируя шикарную фигуру и походку, все парни, попадавшиеся ей по пути, автоматически переводили свои взгляды на ее ноги, как эти... подсолнухи вслед за солнцем) моя... ну то есть бывшая моя, а сейчас видимо вовкина Аня – все-таки удивительно красивую девчонку ты упустил, дурень, подумал я, но сказал только:

– Привет, Анечка, как жизнь?

На что Анечка отвечала, что все хорошо, в смысле тре бьен, и проследовала далее к своей видимо группе. Ну тре бьен и... хорошо, будем как-то жить дальше... точнее пытаться жить.

И еще вдали Инночка мелькнула, она же на химфаке будет учиться, а это 4 корпус, который напротив нашего. Вообще-то они в основном в Дзержинске будут заниматься, насколько я знаю, а здесь 1-2 раза в неделю, вот в эти 1-2 раза могу подвозить Инну, если соберусь ездить на копейке, у меня к ней никакого негатива нет, пожалуйста. Аняту с Вовчиком это вряд ли, сами пусть друг друга подвозят на чем там придумают, а вот Инночку пожалуйста. Ну и Валерика тоже можно, если попросится.

Тут объявили построение вокруг памятника на площади между 3,4 и 5 корпусами, построились, чо. Сначала выступил ректор, пожелал хорошей учебы и вообще всего хорошего в таком вот замечательном вузе, потом вышли артисты политеховского театра (как уж он там называется-то... ТЭМП кажется, театр эстрадных миниатюр политехников, Владимир такой Карпей там кажется за главного – КВН же отменили в 72 году, а театры пока вроде нет, хотя по сути это тот же КВН и есть) в одеждах древних греков, вынесли стопку книг, большую, штук 5-6, перевязанных веревкой, и сказали, что это только краткий перечень учебных дисциплин, которые надо одолеть первокурсникам в первом же семестре. Народ развеселился.

Ну а дальше по центру вышла та самая ученая секретарь, с которой я на прошлой неделе толковал в деканате, и с выражением зачитала указ о награждении меня, любимого, медалью за утопающих. Тоже вышел в центр, куда деваться... заметил по дороге, что у одnogруппников глаза сделались совершенно квадратные. Мне прикрепили медальку на пиджак (на лицевой

стороне спасатель, буксирующий утопающего, на оборотной серп и молот с лавровой веточкой, колодка бело-синяя, под цвет воды очевидно). Пришлось говорить речь, ну я в общем догадывался, что что-то подобное произойдет, поэтому экспромт заблаговременно оформил, пока ехал спрессованный в сороковом автобусе. Сказал стандартную благоглупость, кою обычно говорят в таких случаях:

– Честно говоря, я совершенно случайно попал на тот пляж, шел по берегу и вдруг услышал крики, что человек тонет. Мне повезло, человек меньше 5 минут под водой находился, поэтому его удалось откачать. Спасибо нашему правительству, что оно так высоко оценило мой поступок, но я абсолютно уверен, что любой студент нашего замечательного учебного заведения, оказавшись он вдруг на моем месте, сделал бы то же самое. Добавлю, что мне очень помогла хорошая физическая подготовка, я несколько лет занимаюсь гимнастикой, поэтому хочу всех призвать не только учиться на хорошо и отлично, но и тренировать свое тело, это обязательно пригодится в жизни. И еще не могу не отметить, как мне повезло, что я поступил в такой замечательный институт, постараюсь и в дальнейшем поддерживать его репутацию своими скромными успехами в учебе и в жизни.

Раскланялся и пошел на свое место, мне вроде даже поаплодировали по дороге. Глаза одноклассников за это время не утратили элементов квадратности, краем глаза заметил также задумчивый взгляд Инки откуда-то с левого края нашего строя. Ну посыпались вопросы конечно, чего там было, да как, да почему скрыл ото всех – отвечал как обычно уклончиво, что было, то сплыло, а не говорил, потому что скромный я такой.

Тут меня вдруг взяла за пуговицу Светка, которая дочка декана, отвела в сторонку и сказала, что папа, в смысле декан, хотел бы переговорить со мной где-нибудь по окончании занятий. Ответил, что йес, непременно и с удовольствием. Хотел было добавить следующее:

– Блин, Светка, ты же в принципе красивая девка, ну зачем же ты так горбишься и голову в плечи втягиваешь, как эта... как курица-несушка в курятнике? И ходить такой испуганной тоже не надо, смелее надо быть, парням это нравится... грудь вперед, она ж у тебя есть, голову прямо, глаза чуть вниз, легкая полуулыбка, плюс немного юмора и циничности – и все у тебя в жизни наладится...

Но не добавил, потом может как-нибудь, когда поближе познакомимся.

А теперь пора и по аудиториям, учиться и еще 2 раза учиться. Первым номером что там у нас идет? Ага, программирование. Препад Елена Васильевна, не старая еще и со следами былой красоты и с густо накрашенными губами, в красном платье с бантом и красных туфель – яркая женщина, не зануда, читает легко и свободно... еще бы подкорректировать читаемое, а то Фортран с Алголом это не то что прошлый век, а прошлое тысячелетие уже. Но ладно, послушаем.

А второй парой была (аааааа) История КПСС, друзья, честное пионерское. Нынешнее поколение, 25 лет уже живущее при капитализме, и не вспомнит, что это за зверь такой, КПСС, да и про Маркса с Энгельсом весьма туманные сведения имеет, а тут вон оно, во всей красе. «Развитие капитализма в России», чтоб прочитали и законспектировали к следующему семинару. И «Что делать» заодно. Анекдот дурной вспомнился, про то, что «Маркс и Энгельс два разных человека, а «Слава КПСС» вообще не человек»... Нет, а вообще-то мне этот предмет даже нравится, хоть какая-то гуманитарная отдушина в сплошной нашей инженерии.

Ну а третьим номером в списке у нас был английский. Технический естественно, какой же еще английский нужен в техническом вузе. Переводили старые, как говно мамонта, американские журналы по радиоэлектронике. Ну и я перевел, чертыхаясь, обычную-то речь я нормально понимаю и разговор поддержать могу, но давно вымершие пентоды с клистронами давались как-то не очень.

Секретарь комитета Козлов

А тут и конец учебы подоспел, на первых курсах обычно по 3 пары всего, это дальше будут грузить и по 4, и по 5 за раз, только успевай оттащить... Завтра у нас общага номер 2 на площади Лядова, там вышка имени доцента Миндалева, семинар по испарту (во как, сегодня вечером значит надо законспектировать две работы Ильича) и под занавес физкультура на стадионе Водник, это недалеко.

Зашел в деканат, спросил, как там со временем у Вячеслав Петровича (папы Светки), сказали занят, через полчаса подходи. Ладно, не проблема – загляну-ка я к комсомольцам, пока время есть. В комитете помимо уже известного мне командира факультета Козлов... ой, Козлова, сидел еще один смурной товарищ.

– Ааа, – обрадовался мне Козлов, – вот и Сорокалет, заходи, чего в дверях стоишь.

Зашел, раз предлагают.

– Ты у нас сегодня герой дня просто, все про тебя спрашивают, а мне и сказать-то нечего, давай хоть сам расскажи о себе.

– Рассказывать-то особенно нечего, – хмуро ответил я, – родился, учился, поступил. Ну в промежутке спас там кого-то, вот и все. Лучше ты давай про что мне делать в ближайшее время.

– Ну не хочешь рассказывать, не надо, давай про обязанности.

Далее Козлов минут 15 мне напористо пересказывал содержание своей, по всей видимости, методички по организации комсомольской работы в высшем учебном заведении, только что не подпрыгивал на своем стуле. Понял только, что все это безумно занудно и никому не нужно, ну кроме комитета конечно, чтоб отчитываться перед вышестоящими инстанциями. Ладно, это мы еще посмотрим, кто кого организовывать и строить будет. Смурной товарищ по ходу дела не вмешивался, открыл рот только, когда Козлов закончил инструктаж – он оказался вышестоящим начальником и для меня, и для Козлова, из комсомольского штаба всего политеха, во как. Звали его Олег, а фамилию он не назвал. Ну ладно, будет просто Олежей.

Олежа значит мне еще минут пять втирал, что хорошо мол, когда такие новые люди в политехе появляются и он мол был бы просто счастлив, если б я сразу включился в работу, прямо даже на общеинститутском уровне, прямо даже хоть с сегодняшнего дня. Ну хорошо, я разве против, включусь... розетку только выдайте с выключателем. А еще про меня надобно заметку в институтскую многотиражку тиснуть, тоже лучше бы, чтобы побыстрее. ОК, я разве против, надо, значит тиснем. Да, под конец Козлов таки напомнил, что собрание группы надо бы провести не позднее, чем завтра, он лично придет и поприсутствует. Хорошо, проведем.

На этом я раскланялся с Олежей и Козловым и опять заскочил в деканат – Вячеслав Петрович освобожден? – Ага, можешь заходить. – Спасибо, захожу.

Вячеслав Петрович был здоровенным мужиком, наверно за сто кг перевалил, при этом жира у него как бы и совсем не было, борец что ли? Подстрижен он был весьма коротко, и костюмчик на нем сидел, как на корове седло... почему-то казалось, что что-то спортивное ему гораздо больше к лицу. Ну ОК, уважение он вызвал с первого взгляда, работать с такими можно, приступаем...

– Здравствуй, Вячеслав Петрович, вызывали?

– Не вызывал, а приглашал. Ну здорово, Сорокалет, вот ты значит какой, дочка мне все уши про тебя прожужжала...

– И чего Света жужжала-то, – осторожно поинтересовался я, – хорошее или не очень?

– Ну ясное дело хорошее, как ты там в этом колхозе всех на уши поставил со своей машиной, а потом сложные агрегаты какие-то чинил одним пальцем...

– Да ладно, там и дел-то всего было инструкцию внимательно прочитать, а потом два провода перекоммутировать да один датчик подправить, – заскромничал я.

– Ну другие-то не смогли это дело подправить, да еще медаль эта, сколько лет тут работаю, ни одного студента с медалью не видел, ты первый будешь, так что кончай скромничать и приступай к делу.

– К какому делу? – не успел испугаться я.

– У нас на факультете есть опытная лаборатория, туда привлекают самых перспективных студентов, вот ты на мой взгляд перспективнее некуда, раз такие дела творишь – так что вливайся по полной, прямо с завтрашнего дня.

– Вячеслав Петрович, – прижал я к груди руки, – если вы думаете, что я откажусь, то это зря, согласен со страшной силой, я о таком можно сказать с детства мечтал.

– Ну и ладненько... может чайку хочешь?

– Было бы очень кстати, с утра ничего не ел-не пил.

Декан вызвал секретаршу и она быстренько принесла два стакана чая и какие-то печенки в блюдечке. Отхлебнул немного, покрутил в голове одну идейку и решил, что была–не была...

– А хотите я расскажу, как я на самом деле спас того несчастного утопающего?

– Ну-ка, ну-ка, – насторожился декан, – то есть там какие-то подводные камни были?

– Были камни, Вячеслав Петрович, и подводные, и наземные, всякие...

И я без остановки вывалил ему свою уже накатанную версию с вещим сном и газетой за 8 сентября, со всеми подробностями выкатил, включая захватывающую историю про нечerno-земное путешествие на перекладных из Анютина до Тамбова. Битых полчаса вываливал. По окончании он сказал:

– Хм... интересно, но зачем ты мне все это рассказал-то?

– А затем, Вячеслав Петрович, что вчера у меня был еще один примерно такой же сон, да...

– И чего там в этом сне было?

– Сегодня ночью сгорит все правое крыло первого корпуса... да-да, то самое, где скульптуры колхозниц и рабочих на крыше стоят. Будет замыкание в проводке на втором этаже, часов в 9-10 вечера, огонь перекинется на занавески, а сигнализации там сроду не было, так что заметят это, когда уже поздно будет. Такие дела.

Петрович нервно забарабанил пальцами по столу, встал, прошелся до двери и назад, потом сказал:

– Ну и что ты предлагаешь?

– Вы же не хуже меня понимаете, Вячеслав Петрович, что если я щас пойду к коменданту этого первого корпуса и вывалю все это как есть, то в лучшем случае посмеются и скажут, гуляй, мальчик. А в худшем сами наверно знаете, что сделают...

– А мне ты значит не испугался все это рассказать?

– А вы человек вполне вменяемый и разумный, вам можно.

Петрович вторично побарабанил пальцами, покрутил пепельницу, потом закурил Родопи, предложил мне, я сказал, что не курю.

– Ну и что ты конкретно-то предлагаешь сделать, Сорокалет?

– Все просто, как апельсин – мы с вами вечером идем в тот корпус (одного-то меня не пустят, а с вами запросто) за каким-нибудь серьезным делом... надо придумать за каким, это важно... там, в этом корпусе, есть хоть что-то, относящееся к радиофаку?

– Ну допустим есть... каморка одна наша есть, со списанными осциллографами.

– Вот туда значит и идем, потом сидим и ждем начала возгорания, а потом героически все тушим и получаем плюшки.

– А если не загорится ничего? И когда оно там начнется-то, по твоему сну?

– После 9 вечера, точнее не понял. А не загорится, значит спокойно возвращаемся по домам, и вы можете с полным правом считать меня несерьезным балаболом всю оставшуюся жизнь. Ну сами подумайте, Вячеслав Петрович, что вы теряете, если ничего не будет? Да

ничего. А если что-то будет, приобретете очень много... к тому же вам наверняка скучновато сидеть тут день за днем, а тут такое приключение... соглашайтесь, а?

...и за отвагу на пожаре

– Стоп, – резко сказал декан, – ну что ты мне тут сказки какие-то рассказываешь, не бывает таких снов в реальности, это все поповщина какая-то и голимая мистика, а мы должны стоять на твердой, так сказать, марксистско-ленинской позиции.

Ну тут я выложил на стол свой последний аргумент, в буквальном смысле выложил – вытащил из кармана и положил перед деканом свою медальку с синенькой колодкой:

– А это вот бывает в реальности – сколько, вы говорите, студентов с медалями у вас училось? Что на этот счет марксизм-ленинизм говорит?

А потом подумал и добавил:

– Маловероятные события, Вячеслав Петрович, не происходят, это нам твердо говорит теория вероятностей. Если же такое событие все-таки произошло, то это только всего и значит, что вы оценили его вероятность неправильно... если медаль произошла, вот она перед вами лежит, то почему бы и пожару тоже не случиться? Оба события из одного, так сказать, временного ряда...

Вячеслав Петрович надолго задумался и после продолжительного барабанного соло на пальцах сказал, что хрен с тобой, Сергуня, давай посмотрим, что из всего этого выйдет, при этом в глазах его заиграли явственные чертики – азартен ты, Парамоша, как я погляжу... ну да я и сам такой. Договорились встретиться в 8 вечера здесь вот, в деканате, корпус еще открыт будет, последняя же пара заканчивается в 20.05, если я все правильно помню. А я тем временем потихоньку собрался домой, надо ж книжки эти испартовские прочитать и законспектировать, нехорошо начинать учебную деятельность с игнора требований преподавов.

Обратная дорожка была легка и приятна, никому в середине дня на Автозавод ехать было не надо. Пока ехал, раздумывал, как бы можно было облегчить студенческую логистику туда в первую смену и обратно во вторую... ничего не придумал, но ячеечку в мозгу под это дело завел, может потом чего-то и упадет туда.

А дома поел конечно, уныло глядя из кухонного окна на пустую доминошную скамейку, а потом в читальный зал пошел, он у нас в соседнем доме. Там сначала надо было записаться, пришлось возвращаться за паспортом, и только после этого мне выдали требуемые тома ПСС Ильича, все две штуки – «Развитие капитализма» в 3 томе, а «Что, мать его, делать» (с подзаголовком «Наболевшие вопросы нашего движения») в 6-м. С трудом подавил в себе желание ответить на наболевшие вопросы стереотипным «Наболело – полечись» и сел за столик в углу большого зала, по случаю понедельника народу в читалке почти что и не было совсем.

Конспектирование кстати не составило мне абсолютно никакого труда, многими предыдущими поколениями бедных студентов давно уже было выделено и подчеркнута все, что нужно любому самому взыскательному преподавателю Истории КПСС, оставалось только открывать том на самых замусоленных листах, их прекрасно на торце книги было видно, и переписывать в тетрадочку подчеркнутое. Единственно, что меня затруднило, так это сам процесс записывания, сто лет не писал ничего, кругом же одни клавиатуры были да сенсорные экраны. Но справился... меньше чем за час все аккуратно оформил. На часах пять вечера, еще пара часов до отъезда есть, пойти по местам боевой славы что ли пройтись, посмотреть в смысле что там и как в нашем дворе? Нет, ну его, лучше на велосипеде прокачусь, пока погода хорошая.

Выбрал новый маршрут, все равно вдоль железной дороги, но не к Петряевке, а в другую сторону, к Сортировке – там вообще-то болото на болоте с комарами, но лето сухое стояло, поэтому болота высохли почти целиком, а комары сдохли, так что нормально. Полчаса с

хвостиком, и я возле музея паровозов – он под открытым небом, никем не охраняется, ходи где хочешь и откручивай что хочешь, если сумеешь конечно... откручивать я ничего не стал, поглазель на старинные девайсы, да и пошел искупаться в соседнем озере, как его там зовут-то... Сортировочное и есть наверно.

Вернулся уже после 7 часов, тут и собираться на randevу с Петровичем пора – сказал матери, что дело срочное, срочнее не бывает, вернусь поздно... и кстати, как там Игоревич поживает? Мать заходила к нему сегодня, перевели его в обычную палату и вроде бы на поправку пошел... по нехарактерному для мамы блеску глаз догадался, что процессы начали разворачиваться, ну дай-то бог – тут ведь главное начать, а потом углубить...

Выкатил конечно свою копейку из гаража, мало ли что там случится, личный транспорт не помешает ни разу. И вперед, к великим свершениям, как говорится в нашем лозунговом хозяйстве. Ехал в противоход основным транспортным потокам (у нас ведь как, утром все снизу в верхнюю часть прутся, а вечером наоборот, мосты через Оку самое узкое место при этом), поэтому добрался до политеха вообще без проблем минут за 25.

Машину поставил возле первого корпуса на всякий случай, но не у того крыла конечно, которое по идее погореть должно, не такой уж я и тупой, как можно подумать. До нашего радиофака прогулялся по вечерней улице Минина, последние студенты рысцой пробежали мне навстречу из химического корпуса. Поднялся на 4 этаж, торкнулся в деканат, тоже пусто, никого, ну кроме Петровича естественно. Он увидел меня краем глаза, погруженный в какие-то там распечатки, буркнул в том смысле, ну что, пришел? ну молодец, подожди минут 10, дело срочное. Подожду, куда ж я денусь...

Прошелся по этажу, посмотрел наглядную агитацию... бог мой, как все это уныло и убого, а особенно студенческая стенгазета, зависевшая тут с прошлого семестра с названием «От сессии до сессии живут студенты весело», ей вообще можно было бы вручить гран-при по бездарности. Надо бы все это поменять, надо – еще одну ячейку в памяти завел на этот счет.

Вернулся в деканат – Петрович кажется закончил свои срочные дела, распечатка лежала уже на полке, а он стоял у окна и смотрел на трамплин, он у нас недалеко тут, на Сенной площади.

– Выпьешь для храбрости? – неожиданно предложил он мне.

– Спасибо конечно, но я как бы за рулем, так что...

– Ну как хочешь, а я накачу пожалуй, – и с этими словами он втащил из тумбочки початую бутылку коньяку (тут же вспомнил, что хирурга, который Игоревича зашивал, неплохо бы отблагодарить чем-нибудь таким же).

– Ну все, пошли на дежурство, – сказал декан и решительно зашагал к двери, – что за черт?

Дверь из деканата в коридор была заперта.

– Что-то у нас рановато твои обещанные приключения начались, – криво усмехаясь, добавил Петрович.

Я тоже подошел к двери, подергал – действительно заперто.

– Может уборщица по ошибке закрыла? – осторожно предположил я.

– Они по утрам обычно убираются. Да и сколько я тут работаю, не помню, чтоб вечером эту дверь закрывали на замок.

– А здесь вторые ключи есть?

– Хм... интересный вопрос, – задумался Петрович, – не знаю, пойду посмотрю.

– Ну а я пока замочек исследую, – сказал я и начал его исследовать.

Замок был английский, закрывался автоматом из коридора сюда, значит что? Правильно, язычок в принципе можно было бы и отжать. Порылся в карманах штанов и куртки – о, да у меня же ножичек есть, тот самый из Ворсмы, с выкидным лезвием. Ну эта его выкидываемость

сейчас не понадобится, а вот лезвие наверно в самый раз. Поковырял ножичком между дверью и косяком, с трудом, но достал язычок (блин расцарапал тут им все), отжал – проход свободен. Сообщил про этот факт Петровичу, который копался в ящиках своего стола.

– Ну ты шустрый парень, – ответил Петрович, – пошли, раз так. А дверь за собой захлопнем.

Спустились по темной лестнице мимо кораблестроителей и шибко секретных физтехов, прошли длинным полутемным коридором к выходному вестибюлю, там декан вступил в длительные дебаты с вахтером на предмет ключей, запираения начальства и общего раздолбайства административно-хозяйственной части института. А я все смотрел на неумолимо движущуюся к девяти стрелочку часов и торопил начальника. А он не хотел никуда торопиться. В итоге мы вышли на улицу аж без пяти девять.

– Опоздаем ведь, Вячеслав Петрович, – уныло говорил ему я.

– Не бойсь, студент, без нас не начнут, – бодро отвечал он, видимо коньячок начал действовать. Эх, подумал я, надо было и мне хлебнуть, и ..ись оно там все конем. А также слоном и ферзем.

Когда подошли к первому корпусу (я все подгонял декана, а он никуда не торопился и шел легким таким прогулочным шагом), в вечерней тишине вдруг явственно раздался звон стекла откуда-то со стороны набережной.

– Вы это тоже слышали? – спросил я.

– Чего?

– Ну стекло разбилось вроде бы...

– Не, ничего я не слышал, – начал было декан, но тут довольно громко завопили откуда-то сверху и опять же с той же самой стороны.

– Вот сейчас услышал, что это?

– А этот, драгоценный Вячеслав Петрович, именно он, пожар обещанный, я ж говорил поторопиться надо. Ходу! – уже не сдерживаясь, заорал я и поскакал по ступенькам к главному входу. Декан поспешил за мной, но весу в нем вдвое больше было, поэтому с некоторым отставанием.

Влетели в вестибюль, там в углу дремал сгорбленный вахтер, но немедленно проснулся и закричал:

– Куды, ититвашу, закрыто все!

– Тихо, дед, – рявкнул сзади Петрович, – пожар у вас в правом крыле, звони 01! Быстро!

А мы ломанули вправо на лестницу и взлетели на второй этаж, откуда уже ощутимо несло дымом. Это было, как я понял, примерно в середине центрального коридора второго этажа – дым шел из-под этой двери и при этом кто-то орал и ломился в нее, запертую снаружи.

– Это было в твоём сне, – спросил запыхавшийся Петрович, – ну что тут люди будут?

– Было-не было, не время щас это выяснять, давай дверь ломать. В тебе весу побольше, с разбегу давай – она внутрь открывается, может с петель слетит.

Петрович внял моим словам и с разгону врезался в дверь, та была довольно хлипкой на вид, такой же оказалась и в нутре, так что слетела и упала внутрь, придавив кого-то там, кто был за дверью. Внутри было очень дымно и в районе окна виднелись языки пламени, занавески видимо горели.

– Быстро берем его за ноги и в коридор тащим, – крикнул я.

Взяли, вытащили, оказалось, что не его, а ее, в юбке человек был. Далее я распорядился так:

– Петрович, ищешь огнетушитель и пытаешься что-то потушить до прибытия пожарников, а я потащил эту подругу вниз, надо ее в больницу. Да, окна не открывай, а то полыхнет все.

Декан на рысях бросился дальше по коридору, надеюсь найдет он что-нибудь подходящее, а я приподнял значит ее, вроде в себя пришла подруга, спросил, сможет ли идти, она

промычала, что типа да, попробует, и мы поковыляли к лестнице. Внизу вахтер напряженно крутил диск телефона.

– Что, до сих пор никого не вызвал? Ну ты и дубина, – заорал я, – ладно, беги наверх, помоги Петровичу, я щас сам с улицы вызову.

Вытащил женщину к своей машине, запихнул на заднее сиденье, сказал «10 секунд подожди» и вызвал пожарников с уличного телефона, он как раз тут у входа был, а потом на рысках рванул в 5-ю больницу на Нестерова, она самая ближайшая тут наверно. Разглядел наконец спасенную – за сороковник тетке, одета хрен пойми во что, и что она там в закрытой комнате делала, непонятно...

– Ты как там, живая?

Тетка прохрипела, что вроде пока да.

– Держись, через 3 минуты в больнице будешь, – и сдержал свое слово, тут ехать-то всего полтора километра, по Минина-Семашко-Ульянова. Подкатил прямо к приемному покою, сдал на руки медсестрам, объяснив, что произошло, и рванул назад.

Пожарники так и не подъехали, за смертью только их посылать, больных. Взлетел на второй этаж, там Петрович на пару с вахтером заканчивали тушение очага – окна они таки пооткрывали, но видимо уже после того, как огонь погас, так что ничего страшного не случилось и дым потихоньку начал выветриваться, ущерб не сказать, чтоб и такой большой. Помог им, чо... а тут и пожарники подоспели.

Когда все это закончилось и все формальности с пожарниками были улажены, мы с деканом медленно спустились на улицу, я предложил его подвезти, он не отказался.

– Тут еще такое дело, – начал я, – возьми все геройство на себя, а? А про меня ничего не надо говорить... ну почти ничего, был тут рядом, помог маленько и все, ладно?

– Почему?

– Хватит с меня и одной медали, вторая вызовет только одни подозрения, а не слишком ли часто этот Сорокалет перед глазами мелькать начал? Лады?

Декан подумал, потом сказал медленно:

– Лады... а ведь это только твой первый день учебы, что ж дальше-то будет?

– А ничего дальше не будет, кроме большой и плодотворной работы – вместе работать будем над улучшением учебного процесса, ага. Поехали, до дому подвезу.

Петрович согласился... ехать было недалеко, еще ближе чем до больницы – он на Ковалихе жил в новенькой панельной 9-этажке. Напоследок сказал ему:

– Слушай, Петрович, а чего у тебя дочка такая зашуганная? Всего боится...

– Тяжелое детство, – со вздохом ответил он.

– Так давай я над ней шефство что ли возьму, и по учебе, она походу в той же математике весьма слабовата, и в личной жизни, доведу ее так сказать до товарных кондиций, чтоб нормально с народом общалась – ты мне помог, теперь я тебе помогу, да?

– Ну бери шефство... только если ты с ней что-то сделаешь, я ведь...

– Если ты на секс намекаешь, то я тебя умоляю, мне есть с кем сексом заняться – ничего с твоей Светой не случится.

– Ну ладно, договорились... только ты бы уж мне не тыкал, я же все-таки почти в 3 раза старше...

– Оллрайт, драгоценный Вячеслав Петрович, это я в пылу боя так сказать, а в дальнейшем буду строго на вы. Принцип сяо я уважаю и разделяю.

– Принцип чего?

– Это в китайской философии есть такое понятие – уважение детей к родителям, младших к старшим, народа к руководителю государства и тд. Неисполнение его в Китае считается тяжким правонарушением.

– Ну что же, хороший принцип, можно взять на вооружение... и еще это... спасибо за приключение, Сережа.

– Да не за что, Вячеслав Петрович, обращайтесь.

На этом мой первый учебный день закончился.

Да, и еще вечером я позвонил Инке, не так уж и поздно было, предложил завтра вместе до института добираться, она с радостью согласилась. Вот и ладушки, не так скучно ехать будет.

Чуден Ниагарский водопад при ясной погоде

Утром продрал глаза в 6.00, что-то съел там на кухне, запивая свежесваренным кофе, потом подъехал на Лескова к дому Инны. Она, вот прикиньте, уже у подъезда стояла, отбивая каблуками чечетку, и выглядела при этом как всегда сногшибательно, вот отсыпал же бог девке полной пригоршней...

– Привет, моя радость, – высунулся я из окна, – я тебе тут переднее сиденье подвинул назад, чтоб твои длинные ноги убралась. Куда едем?

– Два круга вокруг Риджентс-парка, а потом напрямик в Перадор, – гордо ответила Инка. Удивительно все же позитивный человек, к тому же Пристли читала.

– Риджентс-парков не обещаю, могу предложить только Автозаводский ПКО, – ответил я и мы оба заржали. – По этой книге кстати скоро кино выйдет, музыкальное говорят.

– Ну посмотрим, что они там наснимают... я бы на роль Сэма взяла бы например Еременко.

– Так его вроде и взяли. А на принцессу кого бы взяла?

– На принцессу... ну не знаю... Проклову что ли. А эту злодейку, как ее... Нинет, да... я бы сыграла отлично.

Я хмыкнул:

– Злодейка из тебя конечно та еще... добрая ты, даже чересчур, убавить бы не мешало.

– Ты мне это уже говорил, проехали. Ты лучше скажи, чего звонил мне позавчера?

Я с трудом припомнил позавчерашний день... это когда я шел в расстроенных чувствах после сцены у озера что ли?

– А, вспомнил – уже неактуально, проехали, – повторил я инкины слова.

– Ну тогда давай рассказывай про свою медаль, скромник. Не поделился ни с кем, можно подумать, что ты эти медали каждый месяц получаешь.

– Да, такой вот я скромный, других не завезли. Ну слушай, если интересно.

Далее я поведал ей всю эту спасательную эпопею с одной только купюрой, про то, как я узнал про утонутье дяди. Сказал, что он позвал меня по срочному делу, а там оно все и произошло как-то само собой... вроде гладко получилось. Инка таки заметила эту склейку:

– А что за срочные дела у тебя в Тамбове вдруг образовались?

– Извини, Инна, не могу сказать, подписку давал.

– О как... – только и смогла выдавить из себя Инна.

– Теперь твоя очередь рассказывать – как там Аня с Верой?

– А ты точно хочешь это узнать?

– Ну раз спрашиваю, значит хочу, колись уже...

– Ну слушай – с Верой все хорошо, ушел от нее Вовчик и ушел, не переживает, и еще она кстати тебе непроданные джинсы вернуть хочет...

– Ладно, забери при случае.

– А Аня сидит дома и ревет белугой.

– Вот прям белугой? Интересно... вчера на параде первокурсников этого как-то заметно не было. А Вовчик где?

– Нету его нигде, исчез с концами. Слушай, так теперь выходит, что и ты, и я абсолютно свободны?

– Ну вроде так...

– Так почему бы нам не создать пару? – непринужденно поинтересовалась Инна.

Действительно, почему бы и не? Мы пара и мы счастливы, подумал я, а вслух сказал:

– Ок, давай попробуем. Я тебя вечером найду.

А тем временем за непринужденной беседой мы незаметно добрались до корпусов политеха на Минина, Инна открыла дверь выходить и тут я вспомнил, что у нас же сегодня занятия в другом месте, на площади Лядова... вот идиот беспамятный. Сказал Инке «пока» и рванул с места на Белинке, благо она пустая, 10 минут и я на месте. Загнал машинку на соседнюю улицу и припустился в учебный корпус, успел тютелька в тютельку, к звонку.

Высшая математика, сразу с места дифференциальное исчисление с интегралами пошло. Миндалев конечно хороший лектор, не тарабанит по бумажке, а всю душу вкладывает, яркими образами опять же сыпет, но почему-то не любят его студенты, хоть ты тресни... возможно потому что ошибок не прощает и гонит в шею всех, кто на пару его вопросов не ответит, нельзя же так жестко к народу подходить. Мне-то это все по барабану, математику я всегда с полувзгляда понимал и на все его заковыристые вопросики ответы имею, а вот остальных надо бы подтянуть будет, не хочу я, чтоб треть нашей группы из-за этой ерунды вылетели к чертовой матери.

А потом у нас начался значит семинар по Истории значит КПСС... тут уже меня почему-то с полувзгляда невзлюбили. Вела его относительно молодая преподавательница, но уже с нотками истерии в голосе, и эти нотки позволяли идентифицировать ее как одинокую старую деву без особых шансов на смену статуса. Почему она на мне начала вымещать свои комплексы, сказать сложно... ладно, не будем обращать внимания, конспект у меня хороший, на вопросы ее тупые отвечаю удовлетворительно, что еще надо? Да ничего не надо.

И физическая культура значит на третье – подались всей толпой на стадион Водник (он кстати засветился в фильме «Жмурки», там в самом начале на его трибунах сидят три бандита в исполнении Маковецкого, Журавлева и Сиятвинды) бегать, прыгать, метать гранаты и играть в футбол мальчикам и в волейбол девочкам. Почему-то тренеры с этого Водника считали, что самые лучшие тренировки тела происходят в игровых видах спорта, ну может и правильно считали. Подошел во время этой физкультуры к Светке, сказал, что займусь ей завтра, сегодня зарез со временем, а пока готовься морально. Она кивнула, видимо отец с ней уже провел беседу.

А дальше все поехали по домам, а я в институт на интервью в многотиражке и на заседание в комсомольском штабе ... а, черт, забыл про собрание, где меня надо было выбрать секретарем – ладно, завтра проведем. С моей хорошей памятью надо что-то делать, сегодня это уже второй случай, когда она повела себя нехорошо. Припарковался у 1 корпуса, не до конца сторевшего этой ночью, и перед газетой решил согласовать детали с деканом, позвонил ему из того самого автомата, откуда вчера пожарников вызывал (номер он мне продиктовал, а я запомнил).

– Алло, Вячеслав Петрович? Это Сорокалет говорит, помните такого?

Петрович хмыкнул:

– Забудешь тебя, как же...

– У меня шас интервью будут брать для нашей газеты, так я хотел согласовать детали вчерашнего, чтоб наши показания бились, ладно?

– Ну давай согласуем.

– Значит так, мы засиделись допоздна в деканате, обсуждая детали моего предложения по одной технической новинке в нашей перспективной лаборатории...

– Какой новинки? – сразу уточнил декан.

– Неважно... ну допустим устройство мобильной связи для студентов и преподавателей. И потом решили добить до конца обсуждение, прогулявшись по нашей замечательной Верхне-Волжской набережной, она ведь у нас замечательная, да?

– Конечно

– И там в районе 1 корпуса увидели языки пламени в окне 2 этажа, ну и как там стекло разбилось. Дальнейшее понятно наверно... да, я сразу повез пострадавшую в больницу, а все остальное сделали вы... ну вахтер маленько помог, так?

– Вроде так... да, и еще тут следователь звонил, надо будет подъехать завтра в 5 вечера в прокуратуру и дать показания, дело там открыли.

– Хорошо, подъеду.

– Говорят, это не простое возгорание было, у них там большие подозрения на ту подругу, что ты в больницу отвез.

– Ладно, пусть выясняют. Так мы значит договорились, Вячеслав Петрович, говорим одно и то же и в газете и в прокуратуре – обсуждение перспективной темы/прогулка по набережной/огонь в окне, – на всякий случай повторил я, – а я побег на интервью.

Встреча с акулами пера прошла скучно и буднично, я сразу предупредил, что можно спрашивать обо всем, кроме как я попал в Тамбов («ну вы же понимаете, что есть темы, которые лучше не поднимать» и закатил глаза к потолку), остальное прошло как по маслу. Про пожар они еще были не в курсе, ну то есть что он был, конечно знали, а кто его там тушил, пока не – так что про это вообще не спрашивали.

А потом было заседание штаба, там же в 1 корпусе, но в левом длинном крыле. Сначала главный комсомольский лидер долго говорил о задачах в свете принятия новой Конституции, потом еще кто-то выступал, потом вспомнили обо мне, как молодом и подающем и спросили, есть ли у меня какие предложения, дополнения, уточнения? Ну как не быть, есть конечно, сказал я, встал и тут присутствующих на полчаса примерно накрыло Ниагарским водопадом моего красноречия...

– Товарищи, – начал я, откашлявшись, – посмотрите вокруг, где мы живем.

Товарищи очумело pokrутили головами, ничего собственно не понимая.

– Мы живем в эпоху построения развитого социализма, в эпоху перехода советских граждан к принципиально новому образу жизни, при этом партия ставит перед нами задачу, чтобы дать каждому человеку возможности для всестороннего и гармоничного развития, правильно? Высшие учебные заведения это прежде всего молодежь, вступающая во взрослую жизнь, и как и с каким багажом она вступит в эту взрослую жизнь, зависит в первую очередь от нас, от комсомола, так?

А теперь рассмотрим эту всесторонность развития с разных, если так можно выразиться, сторон:

А. учеба – студенты должны получить и хорошо усвоить самые современные, самые передовые знания и умения, а еще лучше бы те, которые будут востребованы в скором будущем. Что будет востребовано в скором будущем, спросите вы, и я вам отвечу, пока только по профилю своего факультета – компьютеры и компьютерные сети, связь разных видов, микроэлектроника, системы безналичных расчетов не только для организаций, но и для населения, ну и кое-что еще, не будем мельчить. Чтобы получить эти знания, необходимы подготовленные преподаватели, необходима самая последняя информация о развитии отрасли, о новых разработках и технологиях в нашей стране и во всем остальном мире. Необходимо соответствующая материальная база – оборудование, элементная база, учебные стенды. Необходим выход на лучшие отечественные (ну и мировые, если получится) институты, Академию наук и тд.

Б. деньги – да, товарищи, деньги при социализме пока еще не отменили, и чтобы хорошо учиться и хорошо жить, необходимы денежные средства и надо дать возможность студентам вполне законно зарабатывать эти средства, смелее надо внедрять в жизнь идеи хозрасчета и самофинансирования, товарищи

В. личное развитие – в свободное от учебы время студенты должны иметь возможность развиваться физически и духовно, надо развивать имеющееся и добавлять новое, например набирающие популярность восточные единоборства и ритмическая гимнастика вполне могли бы внедрены и у нас, далее студенты хотят слушать современную музыку, значит надо развивать и это направление... свой ансамбль, и может не один, свой клуб по интересам, пусть общаются на разные темы, кроме газеты неплохо бы было сделать общеинститутское радио, а может даже и телевидение, к нашему театру у меня тоже есть пара предложений, но это я уж потом озвучу и тд

Г. разное – смелее привлекать студентов к управлению, опросы общественного мнения, конкурсы, например на фирменную символику и корпоративные цвета, с этим тоже надо что-то делать, сейчас наше заведение смотрится, мягко говоря, уныло.

Проведя в жизнь все это... ну даже какую-то часть, мы сможем поднять планку нашего с вами любимого учебного заведения на мировой уровень... и даже выше его тоже наверно сможем.

Вкратце у меня все, – закончил я и сел.

Вопрос мне задали только один, Олежа кстати и задал:

– И откуда ты такой взялся, Сорокалет?

– Вы не поверите, но из рабочего квартала на окраине Автозавода, – честно ответил я, – проспект Кирова, дом 18, квартира 94.

Договорились подумать и продолжить... договариваться, все как всегда... но вода камень точит, а уж комсомольский штаб тем более.

На обратном пути у меня вдруг образовалась целая куча дел, и туда надо зайти, и на то посмотреть, и это купить... коньяк для хирурга обошелся в червонец, Белый аист, это в 21 веке он превратился в помойный отстой, а здесь, насколько я помнил, был очень и очень даже ничего. Ладно, не жалко. Поставил машину рядом с приемным покоем 40-й больницы, коньяк в бумажный пакет, справился у дежурной медсестры, кто же там оперировал Михальчика-то три дня назад, оказалось, что Владимир Пак, ничего себе... и он как раз был на работе, где-то на третьем этаже поищи его, милок, раз приперло.

Хорошо, иду на 3 этаж..., нет сначала к Игоревичу все же, вот блин, ничего ему не купил... ааа, ладно, авось прокатит. Пакет с бутылкой засунул во внутренний карман куртки, вроде незаметно. Здесь кажется, тук-тук, не отвечают, значит можно заходить. Палата была на четвертых, сидели и лежали там трое, включая Игоревича.

– Здоровеньки булы, Станислав свет Игоревич, – с порога сказал я ему.

– Чэсь, – отозвался он, – заходи, раз уж пришел.

– Да я тут собственно мимо проезжал...

– К Анюте своей наверно?

– А вот и нет, с Анютой мы на днях расстались, Игоревич, нет у меня больше никаких Анют, – горестно поведал я.

– Сочувствую, – ответил он, – ну да ничего страшного, Анют на свете много...

– Да, что-то мы не о том – как дела-то, Игоревич, на поправку пошел или что?

– Вроде пошел... еще неделю говорят, что продержат здесь. Ты лучше сам расскажи, что у тебя за проблемы во дворе нарисовались.

– А, ерунда, милиция в убийстве меня вдруг заподозрила.

Игоревич чуть не подскочил на койке: – Что значит в убийстве?

– Да зарезали у нас одного пацанчика темной ночью, а у меня с ним конфликт был незадолго до этого, ну они и прицепились... да не волнуйся, Игоревич, все это уже в прошлом, поймали убийцу, алкоголик местный оказался, а я оправдан вчистую.

– Ну хорошо, коли так. А еще что нового?

– Да мелочи разные, институт мой чуть не сгорел вчера.

Игоревич опять чуть не подпрыгнул.

– Ну и что там было?

– Декан наш, Вячеслав Петрович рядом с очагом случайно оказался, он и потушил все.

А следователь вроде бы дело завел, поджог подозревает.

– Ой, Сергуня, что-то многовато всего случается вокруг тебя, одни тонут, других режут, третьи поджигают, очень подозрительная цепочка...

В корень ведь глядит мужик, ему палец в рот не клади, подумал я.

– Я что ли виноват, само собой все выходит. Ну ладно, что-то я еще хотел спросить... а, с мамой-то у тебя как, контакты налаживаются?

– Как тебе сказать... – задумался он.

– Ладно, все понял, ухожу. К хирургу твоему зайду вот еще – где он, говоришь, обычно сидит?

– А я никак пока не говорил про это, но сидит он в конце коридора в ординаторской... или в курилке, это этажом ниже.

– Лады, выздоравливай, Игоревич, а я побежал, – и я пожал ему крепкую ладонь.

Хирург Пак (с печки бряк) действительно был не в ординаторской, а в курилке – среди курящих там мужиков корейца выделить было несложно.

– Здрасьте, – сказал я ему, – можно вас на пару слов.

– Ну пойдем, – забычковал он окурок.

Отошли в другой конец коридора.

– Я родственник Михальчика, дальний, но ближе у него все равно никого нет, хочу отблагодарить вас за прекрасно выполненную операцию, – и вытащил из кармана коньяк.

Пак посмотрел на этикетку, удовлетворенно кивнул и спрятал бутылку в широкий карман зеленого халата: – Спасибо.

– Как там у него дела-то, выписывать говорят скоро будут?

– Нормально у него все, не волнуйся.

– А вы действительно кореец? – осторожно поинтересовался я.

– Ну да, а что?

– У нас в Тамбове через два дома семья корейцев жила... лук выращивали, весь огород был в этом луке.

– А фамилии у них какие были, не Паки?

– Нет, Кимы они были, хорошие люди. Ну спасибо еще раз вам, рука у вас легкая, – откланялся я и убежал на улицу.

Там мне нужен был телефон-автомат, а, вот и он... вспомнил, что из него я звонил Евтушенке в день операции – ну что, гнида евтушенковская, империя очень зла и готовит ответный удар... звоню:

– Алло, Инну можно? Это Сергей, мы с ней гимнастикой месте занимаемся. Инна? Ну выходи к подъезду, сюрприз будет. Да, прямо шас, если можешь. Отлично, жду.

Подлетел к ее дому на Лескова, ждать недолго пришлось – летит моя красotka, слово «сюрприз» видимо ее сильно заинтриговало. А в руках у нее здоровенная сумка.

– Садись, – открыл я ей правую дверцу, – поехали. Что в сумке-то?
– Это Вера джинсы тебе назад отдает.
– Ладно, давай, в багажник запихну.
– А куда едем-то?
– В одно хорошее место, щас увидишь. Да, вот это тебе, наденешь потом – и я протянул ей пакет.

– Ой, что это? Ой, это ж трусы с лифчиком! А чего они красные?
– Потому что Красную шапочку будешь играть. Шутка. Все, приехали.
Я поставил машину на Школьной, в гараж не стал загонять, вынул из багажника объемистый пакет и сказал: – Идем, тихо-мирно беседуя в наш клуб.

– Так его же отобрали вроде?
– А мы собственно не туда, а мимо него.
Прошли по коридору, я отпер дверь в бомбоубежище:
– Ну заходи, солнце мое. Практические занятия заказывала? Вот и займемся, – а сам аккуратно начал выкладывать на стол все свежеприобретенное сегодня добро – розочки, вино «Изабелла», персики, виноград, свечки с подсвечником и пачку изделий номер 2.

—

Потом, когда мы лежали рядом, обнявшись, а на столе догорали три свечки, вокруг были раскиданы лепестки роз, а в бокалах еще оставалось немного Изабеллы, Инна тихо сказала:

– Спасибо тебе, Сергуня, большое, с Адамом и Евой это было очень интересная придумка... мы типа одни-одинешеньки во всем мире и надо начинать жизнь с нуля

– Я старался, Инночка... а ученица из тебя очень прилежная вышла, да
– Слушай, а можно повторить урок... ну для закрепления материала? – неожиданно спросила она.

Я трезво прикинул свои возможности и сказал: – Ну да, почему бы и нет? Только я теперь буду сбитый американский летчик, Джонни Коннорс а ты... ты будешь его невеста Дженни Браун, приехавшая его навестить в госпитале в Сайгоне, угу? Поехали... ты щас должна сказать «наконец я тебя нашла, Джонни, ой, что это с тобой приключилось?», давай, только сначала лифчик надень... нет, остальное не обязательно

– Наконец я тебя нашла, Джонни, ой, что это с тобой приключилось?
– Сбили над Тонкинским заливом, Дженни, факинг шит комми на Мигах зашли мне в хвост, а напарник не успел прикрыть. И вот кувыркаюсь я в небесах на запасном парашюте и знаешь, какая одна мысль болтается у меня в голове?

– Не знаю, какая?
– А такая мысль – неужели я никогда не увижу груди своей милашки Дженни?

—

Вечером я отвез Инну домой, поцеловал на прощанье, вернулся, вынул из памяти, что там меня ждет завтра (семинар по вышке, механизмы вычислительных систем и лекция по физике, плюс к этому надо начать бизнес-тренинг Светочки и нанести визит в прокуратуру... ну может еще что добавится). Перед тем, как заснуть, в мозгу проплыли такие горестные строчки:

Сегодня я прочел тебя до середины,
Инна.
Что ждет меня в финале,
Хер знает.

Пигмалион Владимирович и Галатеея Вячеславовна

Сегодня Инна учится в Дзержинске, поэтому сегодня я еду один... с Валериком я кстати поговорил на тему доставки, он сказал, что не надо, на трамвае ему проще, ну и хорошо. Копейка моя что-то начала капризничать, завелась только с пятого раза, надо профилактику устраивать, пора уже, месяц без перерыва ведь на ней отъездил. Но завелась и ладно... едем навстречу солнцу, на восток.

Первым пунктом в программе на сегодня семинар по высшей математике, поскольку он первый вообще, готовиться к нему не надо было, а ко всем последующим будем решать задачи. А пока нам просто показывают, как их решать – найти производную от сложной функции, провести исследование сложной функции и построить график, найти неопределенный интеграл от дробно-рациональной функции. Интересно конечно, но к профессии системотехника если и имеет отношение, то очень косвенное. Ведет семинар молодая, но уже крайне стервозная девица не более 25 лет. Вот у кого бы Инне подучиться. На дорожку записываем домашнее задание – то же, что и в аудитории делали, только в профиль и с загогулинами. Не проблема.

МПВС... ну термех и есть (вспомнилась трагическая надпись, глубоко вырезанная на парте в какой-то аудитории – «Завтра экзамен по термеху, п..дец!»), кулачковые передачи, кинематические пары, ползуны, зубчатые передачи, шестерни, колеса – дело конечно нужное и увлекательное, но не для нашего же факультета... механические вычислительные машины лет 20 назад уже умерли. Вел такой длинный и картавый доцент по фамилии Шишов, педант и зануда по внешнему виду. Обрадовал курсовой работой, спасибо, что хотя бы в следующем семестре – насколько я помню, там надо будет рассчитывать и рисовать зубодробительные механизмы на 5 листах А1...

Ну и физика, лекция в большой физической аудитории, ведет доцент Дубровский, ага, фамилия как у пушкинского героя – у народа естественно посыпались остроты с упоминанием графини Машки Троекуровой. А между тем, как сказали мне в перерыве умные люди, этот Дубровский из дворян происходит, революцию как-то типа пережил в своем имении, потом в науку пошел, далеко не простой человек, далеко... Начал он с азов, с механики-кинематики, довольно интересно все рассказывал, но вторую половину лекции я не дослушал, потому что прибежала девочка-секретарша и сказала мне срочно идти в деканат. Не нравятся мне такие срочные вызовы, ой, не нравятся, но идти конечно надо...

Оказалось все совсем не так и плохо, приехала съемочная группа с местного телевидения с целью заснять двух героев-политехников оптом так сказать – меня, как спасателя утопающих на водах, и декана, как огнеборца-Прометея... хотя Прометей-то походу ничего не тушил, а как бы и наоборот, но ладно, в осовремененной версии мифа пусть пожарником поработает. Черт, знал бы, галстук надел...

Меня с Петровичем вывели на улицу, поставили перед входом, чтоб была видна надпись, что это радиофак, начали с него конечно... а что, неплохо говорит, молоток... и про родной вуз ввернул к месту... про меня тоже упомянул немножко... ну вот и твоя очередь, Сергуня, давай, жги.

– А это первокурсник факультета Сергей Сорокалет, который на днях получил медаль «За спасение утопающих». Расскажите, Сергей (можно на ты), Расскажи, Сергей, как ты сумел вытащить из воды человека?

– Все очень просто, мы в Тамбове пошли купаться на речку (– А что, в сентябре там купаются? – Да, конечно, Тамбов на 500 км южнее) вместе с двумя родственниками, дядей Мишей и тетей Зиной. Точнее они раньше на машине уехали, а я задержался и чуть позже за ними пошел. Там у них речка такая течет, Цна называется, приток Оки, вот на нее все и ходят купаться. И вот подхожу я значит к мостику через эту Цну и слышу крики, и голос знакомый такой, тетя Зина кричит, подумал. Прибавил ходу, вылетаю на берег, там тетя Зина мечется вне себя, чуть волосы на голове не рвет, я сразу понял, что тут стряслось, спросил только, где

он в воду заходил, разделся и начал нырять. На третий раз нашел дядю Мишу, он на дне лежал, быстро вытащил и начал откачивать, а тетя Зина побежала за спасателями, они на той стороне реки сидели. Откачал в общем я дядю Мишу еще до прихода спасателей – он недолго под водой пробыл. А спасатель еще какие-то процедуры произвел, так что домой дядя Миша на своей машине доехал. Вот собственно и все...

– Да, действительно все просто, – сказал репортер, – а медаль-то у тебя с собой? Покажешь?

Я хлопнул по карману куртки – точно, здесь она, оказывается не выложил я ее.

– Смотрите пожалуйста, – вынул я медаль и протянул репортеру, – по-моему красивая.

– Да, красивая... вот такие герои живут и работают... и учатся в нашем с вами городе, дорогие телезрители. Ты, говорят, еще и на пожаре позавчера отличился?

– Да какое там отличился, все же сделал Вячеслав Петрович, ну вахтер ему помог, а я же только пострадавшего в больницу доставил.

– Герои, да еще и скромные, – добавил репортер. – Остается только пожелать вам с Вячеслав Петровичем успехов в учебе и в личной жизни.

И он начал скручивать провод микрофона. Уже без камеры спросил:

– А на чем же ты пострадавшего-то доставлял в больницу?

– Вот на этом, – и я показал на свою желтую копеечку. – Кстати и вас могу до телецентра подбросить, занятия у нас все равно уже закончились.

– Неужели твоя собственная?

– Ну что вы, откуда – дали во временное пользование, по доверенности. Ну так что, едем? – личные контакты с прессой не помешают, подумал я.

– Можно тоже на ты, не такой уж я и старый, Юрием меня зовут, а это Эдуард, оператор. Хорошо, поехали, – и он сделал знак Эдуарду, – аппаратуру только запихнуть куда-то надо.

– Да не вопрос, в багажник что не влезет, можно на заднее сиденье, – открыл я багажник.

– О, БониМ, – сразу увидел диски Юрик, – откуда у тебя их столько?

– Да прикупил по случаю, а потом забыл, так и ездят.

– Продай одну штуку, давно хотел, – попросил Юрик.

– Бери так, потом сочтемся, – вынул я из пачки пластинку.

Сели, поехали... по дороге я рассказал пару смешных баек про корреспондентов и ввернул умную фразу про стандарт Бетакам – мол что это у вас старье такое, весь мир уже на компактные камеры переходит. Юрик заинтересовался, телефон свой короче он мне оставил. Ну и ладно, используем в дальнейшем как-нибудь. Высадил их у телецентра и быстро вернулся к своему радиофаку, лекция уже закончилась, Светочка ждала меня у входа, переминаясь с ноги на ногу.

– Ну что, – сказал я, – садись, Галатея Вячеславовна, будем делать из тебя звезду.

– Какую звезду? – испуганно спросила Света.

– Какая уж выйдет, может эстрады, может балета... да не пугайся ты так, я не кусаюсь, по крайней мере не каждый день, садись давай и поехали.

– А куда?

– К тебе домой конечно, ко мне уж очень далеко. Дорогу я знаю.

– А кто такая Галатея? – после некоторой паузы спросила она опять.

– Древнегреческий скульптор Пигмалион вырезал эту Галатею из слоновой кости и влюбился в нее. Так влюбился, что Афродита, глядя на его страдания, сжалилась и оживила Галатею, а потом они жили долго и счастливо и померли в один день... как-то так.

– Интересно, – глубоко задумалась Светка, но больше вопросов не сгенерировала.

Когда выходили из машины, я прихватил с собой из багажника пару джинсов разных производителей и размеров из вериной сумки.

– На вот, примерь пока, какие-нибудь должны подойти, – сказал я, когда мы вошли в квартиру.

– Ой, что это? – сделала круглые глаза Света.

– Это, Света, такие американские брюки из плотной хлопчатобумажной ткани, обычно выкрашенные в синий цвет, а если по-простому, то джинсы. Давай примеряй, пока я не передумал.

Света мигом скрылась в другой комнате (всего в квартире их три было, как я успел заметить) и защелку за собой закрыла. Правильно, а то вдруг я маньяк какой окажусь... Пока ждал ее, осмотрелся – а ведь жены-то у Петровича и соответственно матери у Светы походу никакой нет, это видно по разным мелочам, интересно, куда она подевалась? Ладно, потом исследуем эту жгучую тайну...

Появилась Светка в Монтане, кто бы сомневался – вроде сели неплохо, внизу длинновато, ну да с каблуками как раз будет.

– Повернись туда-сюда, – попросил я, Света повернулась, – нормально, джинсы твои.

– За бесплатно? – наивно спросила она.

– Ну щас, по себестоимости за столытник, потом когда-нибудь отдашь. У тебя чего-нибудь пожрать есть?

– Ой, я и забыла, что ты голодный, щас суп разогрею.

– Отставить суп, бутерброда с чаем вполне хватит.

– А у нас и кофе есть, растворимый Пеле.

– Отлично, бутерброда с кофе вполне хватит, а в процессе принятия пищи будем задачки по матанализу решать, угу?

– Угу, – эхом откликнулась Светка и убежала на кухню.

Задачки были плевые, я такие на лету решаю, сразу и начал диктовать решения, а Светка аккуратно записывала, почерк у нее был очень круглый и маленький. За 20 минут справились.

– А теперь у нас в повестке дня вторая часть тренинга под названием «как стать красивой и привлекательной» – согласна позаниматься?

Светка испуганно закивала головой: – Ага, согласна.

– Вот и ладушки. Начнем с осанки и походки пожалуй. Запомни пожалуйста или запиши где-нибудь – сгорбленная девушка никому неинтересна, да. Спина должна быть прямой, голова тоже высоко поднята, но с ней допускаются некоторые вариации. Сейчас я покажу несколько упражнений на эту тему, будешь делать их ежедневно примерно по полчаса, утром или вечером, все равно.

Показал ей кошку, сфинкса, пловца, лодочку, еще что-то, попросил повторить – сделала вроде достаточно сносно.

– Далее – носишь на голове книгу минут по 15 в день, тоже способствует. Спать лучше на жестком матрасе или вообще на досках... ну не на голых, постелить что-нибудь. Обувь – каблуки в исключительных случаях, они плохо воздействуют на позвоночник, выбирай что-то мягкое и удобное. Ну и поменьше сидеть, побольше двигаться. Кстати-кстати, я тут планирую сделать секцию ритмической гимнастики у нас на факультете, так ты приходи-записывайся, хуже точно не будет.

– Теперь походка. Ну-ка пройдишь к окну и назад.

Светка прошлаась.

– Ужасно. Идешь как будто тачку с углем везешь. Походка должна быть а)легкая, б)непринужденная и в)без раскачиваний. Давай что ли покажу, как надо, горе ты мое. Можно от колена ходить, можно от бедра, это я тебе позже расскажу. Ширину шага надо делать не больше чем на ступню, вот так... упражнение еще такое есть, с веревкой. Найдешь веревку какую-нибудь?

– Зачем? – испуганно спросила Света.

– Ноги связать чуть выше колен и так ходить по комнате, одновременно и осанка исправляется, и длина шага сама собой корректируется. А ты зачем подумала?

По лицу Светы было видно, что подумала она самое нехорошее...

– Ну ладно, на первый раз хватит. Тренируйся каждый день, это в твоих же интересах. Следующее занятие будет про одежду и косметику.

– А можно в следующий раз я подружку позову, чтоб она тоже послушала? – вдруг тихо спросила Светка.

– Подружку... учились вместе что ли?

– Да, в соседнем подъезде живет.

– Фотка подружки есть? Это я к тому, что есть люди, с которыми занимайся-не занимайся, толк одинаковый.

– Ага, щас найду, – и она покопавшись в потертом фотоальбоме, протянула мне фотографию, очевидно с выпускного вечера, – вот рядом со мной стоит.

Беленькая, маленькая, с прыщами и с большими бантами, но в принципе материал для работы есть.

– Хорошо, пусть приходит. А я побежал в прокуратуру... да, чуть не забыл – вторые джинсы можешь ей загнать, но извини, уже не по себестоимости, минимум за 150. Все, что сверху 150, себе можешь оставить, – пусть привыкает к капиталистическим отношениям.

– Слушай, – сказала мне вдруг в спину Светка, – откуда ты все это знаешь? Ну про красоту и привлекательность эту.

– Угадай с двух раз? – по-еврейски ответил ей я и убежал в прокуратуру.

Вы и убили-с, Родион Владимирович

Прокуратура района у нас сидела на площади Горького, в только-только отстроенной высотке на углу с улицей Горького же и напротив памятника ему же работы Веры Мухиной, не ошибешься, даже если захочешь. Машину есть где поставить, зашел, показал паспорт, мне выдали пропуск в кабинет 306 на 3 этаж, поднимайся, жди вызова. Постучал для начала, дверь закрыта, сижу, жду. Полчаса наверно отсидел, идет мой следователь, Синицын Иван Евгеньич, судя по табличке на двери.

– Сорочалет? – сразу спросил он, я не стал отпираться, – ну заходи.

Зашел, чо. После всех анкетных вопросов начался натуральный допрос с пристрастием.

– Значит лекции в понедельник у тебя закончились в 12.45, я правильно понял?

– Правильно.

– А потом ты поехал домой и там занимался в читальном зале, так?

– Так.

– И как же ты оказался снова в институте в девятом часу вечера?

– А что, это запрещается?

– Нет, не запрещается, просто расскажи, как и почему ты там оказался в момент начала пожара.

Приплыли, подумал я, это меня сейчас на поджог что ли примерять начали?

– После занятий я зашел к декану, к Вячеслав Петровичу, – терпеливо сказал я, – он хотел познакомиться со студентом, получившим медаль, такое ведь не каждый день у них на факультете случается, верно?

– Я думаю, что и не каждый год, – ответил следок.

– Вот-вот, поговорили мы немного, а потом он предложил мне работу в новой лаборатории, ну там недавно ее открыли, разные перспективные вещи разрабатывают...

– Понятно, дальше давай, не тяни, – подбодрил меня Иван Евгеньич.

– И у меня как-то само собой получилось сходу выдать одно достаточно перспективное предложение...

– Какое?

– Устройство персональной мобильной связи мегагерцового диапазона, если это вам что-нибудь говорит конечно...

– Говорит-говорит, продолжай.

– Потом у Вячеслав Петровича образовались срочные дела и он предложил мне продолжить обсуждение завтра, а я сказал, что нечего тянуть, давайте вечером, все равно делать пока нечего, а он согласился. Так я и подъехал туда к 8 вечера...

– Ну хорошо, допустим в первом приближении. Дальше давай, как вы возле первого корпуса оказались.

– Обычно, вышли из 5 корпуса и сначала по улице Минина мимо 4-го и музея этого... Алексея Максимыча, а потом на Провиантскую свернули.

– Зачем?

– Чтобы пройтись по нашей уникальной набережной, там лучше думается.

– И дальше что?

– Дальше почти что все – сначала стекло разбилось, потом кто-то заорал дурным голосом, потом дым с огнем показались. И мы оба двое кинулись ко входу, там вахтер сидел, может подтвердить, если мне не верите.

– Не сходится..., – задумчиво сказал следак.

– Что именно-то не сходится?

– Пожар начался в комнате с окнами во внутренний двор, так что видеть огонь вы никак не могли...

– Может и перепутал чего в горячке, может огня и не было никакого, но крики и дым-то могли ведь видеть...

– Ладно, теперь про потерпевшую. Когда и при каких обстоятельствах ты с ней познакомился?

Ититувою, натурально ведь на статью раскручивают.

– Никогда и ни при каких обстоятельствах я с ней не знакомился, я ее в упор не знаю. Даже как зовут, не спросил.

– А вот согласно справке из паспортного отдела прописана она и проживает в доме 16 по проспекту Кирова, соседнем с тобой.

Еще интереснее, меня с этой подругой на групповой разбой что ли примеряют?

– Даже не видел ни разу... в этом доме 150 квартир, 500 жителей. Расскажите, какую хоть статью-то мне шьете, гражданин начальник?

– Если умысла не было, значит 150-я, до 3 лет, – со вздохом просветил меня он, – ну а если был умысел и жертвы, значит 149-я, там уж как повезет, максимум до 10 лет.

– Ну сами посудите, какой у меня мотив мог бы быть – нахрена мне этот корпус поджигать было? Да и не был я там ни разу, у нас же первый день занятий в понедельник был, а вступительные экзамены я в своем корпусе сдавал.

– Вот и я думаю, какой у тебя мотив мог быть? А может ты этот... пироман, и тебе просто нравится поджигать все подряд.

– Чтобы мне пиромана повесить, экспертиза нужна у спецов, – хмуро ответил я.

– Надо будет, проведем и экспертизу.

—

Короче эта гнида вынула у меня всю душу, препарировала ее тупым скальпелем, а потом запихнула назад как попало. Вышел я от него через полтора часа... ну вы наверно догадались с чем -с ней самой, с подпиской о невыезде... вот и делай людям добро после этого... надо было дать сгореть этому корпусу к чертовой матери, тогда и проблем бы никаких не имел...

Ладно, прорвемся как-нибудь, решил я, а у меня есть еще в этой жизни и другие дела, да. Рванул в первый, чтоб он в натуре сгорел, корпус встречаться с физкультурниками и театраллами.

С физической культурой я как-то очень быстро договорился, они были в курсе, что есть такой молодой и с идеями, и что есть мнение к его идеям прислушаться, они дали добро на набор и в секцию тай-цзы (назвал ее оздоровительной гимнастикой, чтобы гусей не дразнить), и на ритмическую гимнастику, сказали объявления сами напишут, а начало занятий хоть с понедельника можно поставить. Время позже согласуем.

А вот с театром отношения сразу как-то не наладились – ну понятно, люди творческие, с амбициями, а тут приходит какой-то хрен с горы и начинает втирать не пойми чего... выслушали хотя бы и то ладно, выдал им идею цикла типа «Городок», театрализация анекдотов, они же не все у нас политические и неприличные, вполне можно подобрать и для сцены чего-то. Желательно с 2, ну с 3-4 максимум актерами, играющими все роли. И про музыкальную группу завел разговор, оказалось это не их епархия, показали куда идти, сходил по указанному направлению – там обрадовались новому энтузиасту, предыдущий состав почти что полностью был с 5 курса и поэтому им остро не хватало клавишника и ритм-гитариста. Их есть у меня, сказал я, и еще могу предложить классного баяниста и неплохую солистку, очень неплохую. Сказали приходить, всех посмотрят.

И после всего этого я наконец домой отчалил, надеясь втайне уже пожрать чего-нибудь съедобного, поставил машину в гараж и уже почти зашел в свой подъезд, как в проеме арки увидел... ну кого бы вы думали?... все равно не угадаете, Аня там стояла на другой стороне улицы возле скамейки, примерно на том же месте, где недавно я с Игоревичем беседовал, и делала мне рукой приглашающий знак, в смысле подходи, поговорим...

Сдохни, тварь!

Подошел к ней заинтригованный до крайности, надо ж узнать, что человеку надо...

– Привет, – говорю, – Анята. Как жизнь, как учеба, в целом как дела?

– Пока не родила, – эхом отозвалась она.

Ну хотя бы это радует, подумал я. Сели рядом на скамеечку.

– А здесь чего, в клуб пришла? Так его у нас отобрали давно.

– Нет, не в клуб я пришла, а к тебе, Сережа.

– Правда? И что сказать хотела? Давай не тяни kota за хвост.

– У тебя правда ничего с Инной не было? – покусав губы, спросила наконец она.

Вот оно чо, подумал я, а Анята-то заднюю врубить надумала... где ж ты вчера-позавчера была, родная?

– Мне очень жаль, Аня, но с Инной у нас ничего не было до вчерашнего дня, а сейчас уже есть...

Анята как-то нехорошо пошла красными пятнами, продолжая жевать верхнюю губу – как бы не случилось с ней чего, озабоченно подумал я.

– Ты же мне всю жизнь испортил, гад, – наконец выдавила она.

– Я? Всю? Испортил? – только и нашелся что ответить я.

– Ты ж меня как последнюю скотину бросил! – продолжила нагнетать градус Аня.

– Я? Бросил? Про Вовчика ты не забыла?

– Подожди, не сбивай меня, я и сама собьюсь... я же теперь из-за тебя ни есть, ни спать не могу!

Это вот совсем интересно... анорексию с инсомнией тоже на меня вешают...

– Что же мне сейчас делать-то прикажешь? – закончила она наконец свой трагический спич, подвигая к себе сумочку.

Хьюстон, сказал я себе, у нас проблема... она же реально больная на всю голову, что делать-то, Хьюстон? Молчит проклятый, самому разбираться придется.

– Для начала неплохо бы успокоиться, – тихо сказал я и положил руку ей на плечо, точнее сделал попытку положить, потому что руку она сразу сбросила со словами:

– Не трогай меня, скотина!

– Ладно, не буду я тебя трогать. Успокаивайся так... вместе то есть давай успокоимся и спокойно продолжим...

Но успокоиться мне как-то не удалось, потому что в этот самый момент Аня вытащила наконец свою руку из сумочки, где она лихорадочно шарила последние несколько секунд, и в руке у нее был зажат большой кухонный нож с серьезным таким длинным и острым лезвием. Опа, подумал я, пытаюсь отодвинуться подальше, получилось это плохо.

– Ну тогда сдохни, тварь! – громко сказала Аня и со всей силы двинула нож мне в брюхо, примерно в район солнечного сплетения. Вы никогда не пытались увернуться от ножа, направленного вам в живот, сидя на скамейке? Вот и я тоже нет. Оказалось, что это ооочень сложно... короче пропоролла она мне левый бок, но не так, чтобы очень, вскользь – кровь пошла, но слабенько... а нож я у нее таки выкрутил из руки, отобрал сумочку, закинул его туда, встал, зажимая бок:

– Ты совсем е..у далась что ли? Ты ж меня сейчас зарезала бы, а сама по 103 статье на зону пошла бы – у тебя в планах точно это самое было?

Аня сидела сгорбившись в три погибели и из глаз у нее обильно капало. Ну поплачь, поплачь, а то устроила тут понимаешь шекспировщину какую-то... леди блять Макбет автозаводского уезда...

– Ладно, вставай и пошли!

– Куда? – сквозь слезы спросила она.

– В тюрюгу, дура, в КПЗ, на Колыму! Не задавай глупых вопросов!

Она встала и поплелась за мной хвостом, а я ее за руку придерживал, чтоб не завалилась, очень она опасно покачивалась при ходьбе и дрожала всем телом. Меня тоже, честно говоря, сильно потряхивало при воспоминаниях о ее ноже. Завел ее в уже ставшее привычным для меня бомбоубежище, чо... Раздеваться там мы начали одновременно, потом с ожесточением накинудись друг на друга, я едва успел натянуть изделие номер два, после вчерашнего вечера их в пакете много еще осталось...

– Признайся, что ты этого с самого начала хотела? – спросил я спустя некоторое время.

– Ну да, а ты только щас это понял? А где это мы? – спросила Аня, озираясь по сторонам – да, плакатики с противогазами и костюмами химзащиты впечатляли.

– Это, Аня, такой объект гражданской обороны, предназначенный для защиты от фугасных, а равно осколочных бомб и снарядов, а если попросту, то бомбарь. Раз оно от бомб спасает, то может и от житейских проблем тоже. А ты правда хотела меня зарезать?

– Конечно. Ты же гад последний, – ответила она, после чего мысли ее резко поменяли направление, – ты меня любишь?

– Ясен пень люблю...

– А Инку?

– И ее тоже...

– И как же теперь?

– А хер его знает, товарищ майор.

В этот момент левое мое полушарие снова затеяло дискуссию с правым: – Что-то ты заигрался со своими женщинами, Казанова автозаводская, дела-то кто будет делать, Пушкин? – На что справа отвечали: – Заглохни, зануда. Жизнь и так коротка и невесела, чтоб ее еще твоими стенаниями разбавлять. Пусть все идет как идет, вывезет кривая куда-нибудь...

– Короче так, подруга ты моя... семиструнная, продолжаем жить как жили, но без твоих закидонов... ну совсем уж без них неинтересно будет, но по крайней мере постарайся свести их к приемлемому уровню. Завтра едем на учебу вместе, чтоб в 7.00 была возле подъезда в полной боевой готовности.

– А Инка?

– Она завтра в Дзержинске учится. После учебы идешь в первый корпус и записываешься в секцию ритмической гимнастики, ты там примой будешь, отвечаю. Потом идем разучивать новые песни к воскресенью, это там же неподалеку. Потом едем домой, далее по обстоятельствам. Все ясно?

– Так точно, товарищ майор, – четко ответила Анята, – разрешите вопрос, товарищ майор?

– Разрешаю.

– А ты сделаешь мне еще раз так же хорошо? Ну пожалуйста, мне никогда еще так хорошо не было... товарищ майор.

– Говно вопрос, товарищ прапорщик, – ответил я, вздохнув, а потом добавил – а ты меня еще ножиком резать будешь?

– Обязательно, товарищ майор, – бодро ответила Анята, занимая нужную позицию.

Поздно вечером подвел итог прошедшему бестолковому дню:

Эх, поле-полюшко ты минное,
Кругом Аняты, Инны и Марины...

И начались серые трудовые будни

Утром я таки заставил себя сбегать на стадион и потренироваться, пока дожди не начались, получалось все не очень, медленно и печально, но все же получалось, пресловутые 24 формы у меня уже как от зубов отскакивать начали, можно и на новый уровень потихоньку перетекать. Потом еще была процедура заводки желтенькой копейки, минут 5 ее терзал – свечи выкручивал, смотрел на просвет, чистил тряпочкой и даже носил прогревать на кухонной плите, бензин вручную подкачивал, не знаю, это ли помогло в конце концов, но поехала она... завтра не знаю, что будет, надо наверно более жесткие меры принимать.

В итоге на Лескова я успел тютелька в тютельку (узнать бы, блин, что же это за зверь такой, тютелька, да Яндекс под рукой увы нету), посадил Аняту и рванул по проспекту Ленина, обгоняя набитые 40-е автобусы, коптящие черным дымом, как Геракл черепаху. По дороге Анята болтала не хуже Инны, ну надо же... спросил у нее, как учеба и почему именно кораблестроительный она выбрала, оказалось у них в семье это потомственное, и дед на Красном Сормове работал, и отец, и старший брат недавно закончил это же самое дело.

Да, рассказал ей в двух словах версию про ее заколдованность (приписал ее Вере, во избежание), она внимательно выслушала и ответила, что да, такая версия вполне может иметь место, но теперь оно все в прошлом, и это ее радует. Меня тоже, добавил я.

В 5 корпус мы короче под ручку прошли, вызывая явно завистливые взгляды парней и осуждающие от девочек. Довел ее до своего этажа, а сам рванул на лабу по физике (а еще у нас сегодня должно было быть непонятное введение в специальность и на закуску начертательная геометрия, она же в народе начерталка). Лаба подразумевала предварительную сдачу допуска – ну проверку, готовы ли мы теоретически ее провести, а уж потом уже пойдет скручивание проводов и замер сопротивлений и напряжений.

Поскольку все это у нас первый раз было, зачет обнулился, препод (вообще-то их двое сидело, молодая женщина в страшно некрасивом платье с бантиком и еще сам старик Дубров-

ский почтил нас вниманием) только объяснил что, как и почему и раздал методички к следующему занятию, а потом мы сразу стали крутить провода и замерять силу тока. Методички эти кстати были напечатаны типографским способом в типографии института, как я успел прочитать на последней странице. Тиражом в 500 экземпляров. Значит у них и типография своя есть, это хорошо, это надо запомнить...

И еще надо было разбиться на группы по 4-5 студентов, на каждого индивидуально просто не хватило бы рабочих мест – Светочку я естественно сразу к себе взял, а еще ко мне попросились обе Танюши и Саня, который мордовский колдун. Да пожалуйста, мне не жалко. Провода скрутили и результаты получили достаточно быстро, по физике я хоть и не такой спец, как в математике, но уж эту элементарщину-то без вопросов одолею. К перерыву в паре у нас все готово было – показал оформленные листочки Дубровскому, он прочитал и с удивлением сказал, что все верно, ну можете теперь готовиться к следующей лабе.

И тут я вспомнил, что надо бы наконец провести давно обещанное комсомольское собрание, оповестил всех остальных, что оно в большом перерыве будет (между 1 и 2 парой в первую смену не 15 минут был перерыв, в все 25) и провел его, что, дело-то нехитрое. Были правда неприязненные возгласы от парней... но проголосовали единогласно, никому же не хотелось такой хомут на себя добровольно вешать. Протокол я почти полностью на собрании написал, уж чего-чего, а такого добра в прошлой-будущей жизни я немало сочинил, ну подправить может чего и придется, мелочи разные, как там Козлов решит.

И еще вдруг неожиданно понял, что однокурсники мои совершенно мне неинтересны... не считая Светочки конечно, тут уж пацанское слово держать надо, если взялся за гуж, надо играть туш... и пожалуй с Саней-мордвином тоже можно общаться, а остальные какие-то однобитовые. Но тут уж, как говорится, родственников и однокурсников не выбирают, нравится – не нравится, а жри, моя красавица.

Введение в специальность, как собственно и ожидалось, оказалось бредом сферической сивой кобылы в вакууме, всё и обо всё помаленьку и ни о чем в отдельности, сидел и страдал... Ну и начерталка, у нас практика сразу по ней была, а лекция завтра, ну это хотя бы что-то имеющее отношение к жизни. Рисовали разрезы и проекции разных сложных геометрических фигур – большую часть времени нам показывали, как изобразить эллипс при помощи линейки и циркуля, занимательно что... хотя в Автокаде это же самое заняло бы секунд 5, ну может 10.

И пока вырисовывал эти разрезы, внезапно всплыла в голове мысль про кубик Рубика. Когда-то интересовался историей, как это простому венгерскому инженеру пришла в голову такая гениальная идея, некоторые даты запомнил – запатентовал это дело Эрне Рубик в 75-м, да, но только на территории Венгрии, первая партия поступила в магазины в начале 78-го, а американцы купили идею, сделали патент и начали массовое производство только в 79-м, так что время-то есть, а почему бы и не? А вот возьму и займусь, авось получится – венгерский патент нам не указ ни разу.

А после лекций забежал к комиссару Козлову, отдал протокольчик (вопросов у него не возникло) и сразу Анюту в охапку и в первый корпус к физкультурникам. Там пришлось объяснять одному ответственному товарищу, что такое ритмическая гимнастика, чем отличается от просто гимнастики и на кой она вообще сдалась в его подведомственном подразделении.

– Понимаете, Семен Аркадьич, – проникновенно говорил я, сидя на подоконнике в гимнастическом зале, – времена меняются, то, что было вчера и позавчера, не всегда воспринимается всерьез новым поколением. Вот ту же классическую гимнастику взять – да, дело безусловно нужное и полезное, на какое-то застывшее. Не идет туда молодежь, правильно?

– Ну допустим правильно, – буркнул под нос Семен Аркадьич.

– А вот подправленная такими незначительными, можно сказать даже косметическими штрихами (потому что моя ритмическая гимнастика это всего-навсего симбиоз обычной гим-

настики с танцами), гимнастика вполне успешно сможет конкурировать даже с хоккеем по популярности, отвечаю.

– Ты-то откуда это можешь знать? – продолжал бурчать Аркадьич.

– А давайте начнем, через месяц сами увидите. Если народ не повалит, можете все закрывать и считать меня всю оставшуюся жизнь болтуном, не отвечающим за свои слова.

– Ладно, уговорил... тут три девочки пока записались, что тебе вообще для занятий надо-то?

– Три это хорошо, я еще одну привел и плюс одна-две завтра добавятся, можно начинать. А нужно музыкальное сопровождение, кассетного магнитофона пока хватит, хотя в дальнейшем хотелось бы что-то стационарное, и одинаковую форму для всех, ну это мы сами решим. Завтра во сколько тут свободное окно есть?

– С 16.30 час есть свободный.

– Отлично, дайте координаты этих девочек, я предупрежу.

Координаты Аркадьич выдал, я их переадресовал Аниуте (помоги, родная, со временам зарез), договорился встретиться через час возле ВИА, а сам теми же ногами побежал обратно в 5 корпус, там вот-вот должно было начаться совещание в той самой перспективной лаборатории, в кою меня с самого первого дня сосватал декан. Успел почти вовремя.

Там подводили итоги, чего сделали в прошлом сезоне... ну т.е. учебном году конечно и обсуждали, чего бы еще сделать далее, чтобы не было мучительно больно. Долго и неинтересно говорил завлаб Илья Иваныч, что вот мы доделаем недоделанный интерфейс между ЭВМ Наири (да, Наири, тактовая частота 50 кГц, не мега – армянский йокорный бабай какой-то) и алфавитно-цифровым принтером СМ-6400 (помню я эту дуру, килограмм 200 весит), а еще бы надо усовершенствовать ввод перфокарт (неслышный протяжный стон) в ЭВМ БЭСМ-6 и еще что-то такое же. Минут 20 я это конечно выдержал, потом кашлянул, привлекая к себе внимание. Завлаб это заметил, видимо его тоже проинструктировали о молодом и борзом студенте, поэтому он быстренько представил меня и дал слово.

– Товарищи, – сказал я, откашлявшись, – вся программа, представленная уважаемым Ильей Иванычем, безусловно интересна и заслуживает самого пристального внимания, однако со своей стороны я мог бы внести некоторые существенные дополнения и уточнения. Итак, по пунктам:

– Первое. ЭВМ коллективного пользования сыграли заметную роль в развитии радиоэлектроники, никто этого отрицать не собирается, но новые времена ставят перед нами новые задачи. Так же, как и коммунальные квартиры, на которые делало ставку советское руководство в начальный период развития нашего государства, заменились уже в 30-е годы индивидуальным жильем (ремарка из зала – не везде), так и огромные коллективные мейнфреймы вскоре заменят компьютеры, персонально принадлежащие каждому пользователю. Ведь согласитесь, гораздо удобнее и комфортнее работать на лично тебе принадлежащем вычислительном устройстве, чем получать допустим полчаса в день на чем-то отвлеченном, правильно?

– Ну это спорный вопрос, что лучше, – попробовал вступить в дискуссию молодой аспирант.

– Хорошо, согласен – пока спорный, но давайте предоставим широким массам выбор, работать на коллективной компьютерной технике или на своей личной, пока-то этого выбора нет, верно?

– Допустим, – это уже высказался Иваныч, – и что ты предлагаешь?

– Наши западные хм... коллеги (народ заулыбался) уже кстати очень активно начали продвигать в массы персональную технику, слышали про такую фирму Эппл? Я предлагаю разработать и внедрить в рамках нашего учебного заведения компактную персональную ЭВМ, удовлетворяющую всем требованиям к современной компьютерной технике.

– Хм..., – задумался Иваныч, – и сколько времени тебе например понадобится на разработку, год, два, три?

– Один месяц, Илья Иваныч.

Народ за столом откровенно заржал.

– А чего ж не неделя?

– Потому что недели мало, а месяц в самый раз. Вот посмотрите, что я вам принес? – и я вытащил из сумки стыренный в колхозе выносной пульт проверки маслопресса, верхнюю крышку я уже предварительно отвинтил, так что внутренности были видны всем.

– Что это? – спросил Иваныч.

– Это, Илья Иваныч, пульт самодиагностики маслоэкстракционной установки бельгийской фирмы Десмет. Внутри, как вы сами видите, микропроцессор Интел 8080, оперативная память, ПЗУ с защитой операционной системой и еще ряд микросхем, осуществляющих связь с внешними устройствами. Вот это вывод на стандартный телевизор (системы правда не Секам, а Пал, ну да это дело поправимое), это ввод со стандартной клавиатуры, это с кассетного магнитофона. Вот схема пульта, вот содержимое ПЗУ, вот инструкция по эксплуатации на английском (это я достал прилагавшиеся к пульта книжечки). Чтобы переделать это дело в микро-ЭВМ, месяца вполне хватит... кстати аналоги Интела 8080, как я слышал, уже выпускаются в Зеленограде, 580-я серия, если не ошибаюсь.

Народ потрясенно молчал, разглядывая устройство.

– И откуда же оно у тебя? – наконец сгенерировал вопрос один аспирант.

– Разве это важно? Ну нашел в колхозе «Заря коммунизма» например...

Тут вступил Илья Иваныч: – У тебя кажется еще какие-то пункты в программе были?

– А то как же, – легко согласился я, – пункт 2 называется «устройство персональной мобильной связи мегагерцового диапазона».

– Такое устройство у тебя тоже что ли имеется?

– К сожалению нет, в колхоз его пока не завозили.

Смех в зале.

– Но за персональной связью такое же будущее, как и за персональными компьютерами, ведь гораздо удобнее разговаривать по своему личному телефону, в любом месте причем (ну почти в любом, все будет зависеть от ширины покрытия ретрансляторами), чем лихорадочно искать телефонную будку, разве не так?

– И что, это ты тоже за месяц сделаешь? – сдавленным голосом сказал Иваныч.

– Врать не буду, драгоценный Илья Иваныч, за месяц вряд ли, но до Нового года точно сделаю и предоставлю каждому из сидящих здесь по персональной телефонной трубке.

Итогом собрания был протокол из двух пунктов, догадайтесь каких. В помощники мне определили того самого аспиранта и еще двух человек, элементную базу, сказали, посмотришь, если чего не хватит, будем решать вопрос. И я убежал по музыкальным делам.

Анюта тем временем сидела на подоконнике рядом с помещением, где находилась репетиционная институтского ансамбля (надо кстати узнать, как хоть он называется-то) и болтала ногой в воздухе, настроение у нее, судя по всему, было отличное.

– Ну как там у тебя в лаборатории сложилось? – весело поинтересовалась она.

– Да все путем, выслушали меня, открыв рты, программа работы на год вперед сформирована. А ты чего такая веселая?

– А что, нельзя?

– Почему, можно, только как-то выбивается из твоего образа строгой нордической красавицы...

– Если ты скандальчик хочешь, так я это быстро устрою.

– Ненене, – быстро врубил заднюю я, – так гораздо лучше, улыбайся на здоровье. Так чего там с ансамблем-то?

– Все нормально с ним, голос мой прослушали, сказали годится в первом приближении, щас они обедать ушли, а после обеда ждут, чего им приготовил ты. Я тумана напустила, сказала, что вы мол ахнете, когда узнаете, правильно?

– Ути моя умница, за это тебе полагается дополнительный пирожок.

А тут за этой болтовней незаметно и музыканты подтянулись, все двое – гитарист значит Аркаша и барабанщик Сева. Пригласили заходить. Зашли, чо.

– Значит это ты и есть, Сорокалет? – спросил Аркаша-гитарист, видимо он тут за главного был.

– Угу, – не стал отрицать очевидного я, – он самый. Есть мнение (и я показал глазами в потолок) выступить в воскресенье на концерте в честь принятия новой Конституции, хочу вот показать, что я умею и предложить кое-что новое.

– Ну давай, показывай, – показал Аркаша широким жестом в сторону синтезатора.

Подошел, осмотрел технику, это оказалась Фаэми, не самый шикарный выбор конечно, но и на этом можно играть – 4 октавы, есть секции генератора, тембров, вибрации, фильтров. Включил, пробежался по клавишам, пощелкал ручками и выдал «Дом восходящего солнца» группы Энималз (народная вообще-то песня, но пусть будет Энималз)... получилось так себе. Аркаша подошел, показал, что можно еще задействовать, а что лучше не трогать, попробовал второй раз и без паузы перешел на «Отель Калифорнию»... On a dark desert highway cool wind in my hair... ну и так далее.

– Ну чего, вижу, что умеешь... давай теперь свое, Анята тут недавно намекала на это, что там у тебя такого припасено?

Своего у меня было припасено хоть ведром отчерпывай, недаром вчера перед сном битых 2 часа мучил нотную тетрадь, надо бы только было немного отфильтровать так сказать базар... фильтр тонкой очистки не помешал бы ему, базару, что можно, что нельзя... но ладно, пауков бояться – в Звездном десанте не сниматься, поехали.

– Первая песня не моя, дворовая, слышал когда-то, слова правда почти все забыл, так что слова мои, называется «Сиреневый туман», вообще-то она мужская, но солистка у нас пока одна Анята, так что...

Сунул текст Аняте, сказал «давай, как в клубе», выдал незамысловатую мелодию... когда все закончилось, музыканты слегка подвисли, я попробовал их перезагрузить:

– Что приуныли, коллеги, я же еще толком не начал, следующим номером у нас идет опять народное, слегка обработанное только, называется «За окошком месяц май»... а баяна у вас случайно в шкафу никакого не спряталось, ее бы хорошо под баянный аккомпанемент.

Как ни смешно, но баян нашелся, древний и полурассохшийся, но и на таком можно ведь. Попросил Аркашу встать за Фаэми (ты ж ведь умеешь, не отпирайся), сунул ему ноты и кивнул Аняте – стартуем мол. Получилось очень и очень даже ничего себе.

– Едем дальше, народная же, но уже украинско-молдавская песня «Все будет хорошо», здесь тоже баян участвует.

Эту песню Анята тоже хорошо знала, я ее на прошлой неделе презентовал нашей бывшей мушкетерской компании (вспомнил и загрустил, где сейчас эта компания...). Аркаша с Севой были в полной прострации – какой-то хер с горы выдает один хит за другим, а это я еще далеко не закончил.

– А вот эту песню Аня еще не видела, переделка одной латиноамериканской мелодии, под названием «Мальчик хочет в Тамбов»...

Прокатали и эту штуку, с третьего раза что-то вышло. У Аркаши только один вопрос возник:

– А почему он в Тамбов-то хочет?

– Видишь ли, Аркаша, – ответил я, – дело в том, что я долго там жил, ну и вставил в песню знакомое место. Ну и наконец самый-самый хит сезона, заводная молодежная песенка про печального домового, Аня, вот тебе слова, а я пока мелодию наиграю.

Зря я что ли вчера вечером грыз карандаш два часа, нагрыз перепев на российские реалии знаменитой «Blue» группы Эйфель-65, ее год без перерыва где-то в 90-х гоняли по всем каналам, так что в памяти она засела намертво. Получилось у меня вот примерно что:

Послушайте, я вам спою про лес густой,
Где елки-палки и волков ужасный вой,
Там, где живет один печальный домовый,
Живет он в домике с большой кривой трубой.

А припев уже совсем простой-простой:

Он весь, дабуди-дабуда
Он здесь, дабуди-дабуда,
Он есть, дабуди-дабуда,
Он бес, дабуди-дабуда.

Проиграл, как смог, текст Аня попыталась озвучить – протрация музыкантов совсем уже дошла до точки. Вывел простым вопросом – «ну чо скажете, коллеги?». Коллеги только и смогли выдать из себя, что все зашибись, но вот пропустят ли на концерт песню про домового, который бес, да еще дабуди-дабудатый, сомневаются. Да и во «Все будет хорошо» пропаганда пьянства имеет место, как там наверху посмотрят, они не берутся предсказать. Взял утверждение программы концерта на себя, а ребятам оставил ноты с текстами, пусть поработают пока...

А время между тем уже к 6 вечера двинулось, отклонялись мы короче с Анютой и отчалили к родным домам, я ее высадил на Лескова, поцеловав на дорожку, завтра, сказал, в 7 утра опять стартуем, она прикиньте, сказала, что гордится мной, а я ответил, что давно бы так, а то ты, киса, все кобенилась, за что получил сумочкой по уху, но несильно, чисто чтоб реноме соблюсти. И тут я вдруг вспомнил, что Инна тоже завтра в основной свой корпус едет, и загрустил... Анюте не стал про это объявлять, чтобы раньше времени разборки не устроились, но задумался конкретно, что ж делать-то? Думай, голова, думай...

Так ничего и не придумал, решил все же вечером позвонить Инне, узнать, что там и как, и тут-то она меня и огорошила:

– Знаешь, Сережа, а меня замуж зовут, – сказала она сразу после приветия.

– Да ты чо, – только и смог выговорить я, – что-то очень быстро. И кто зовет, если не секрет?

– Не секрет, хоккеист один зовет.

– Ковин?? – промелькнула у меня ослепительная мысль.

– Да щас, дожدهшься от него, у него жена и двое детей.

– Неужели Скворцов???

– Ну так низко я еще не упала. Варнаков меня сватает, Мишаня Варнаков.

– Вот это да, он уже у тебя Мишаня... – я некоторое время приходил в себя, – и как же произошло ваше знакомство?

– А я разве не говорила? У меня же отец администратор клуба Торпедо, а вчера у них на базе было какое-то мероприятие, вот отец меня с собой с взял, а там Мишаня значит, как

только меня увидел, так и пропал – весь вечер хвостом за мной ходил и под конец предложение сделал. В Америку, сказал, с собой возьмет, когда они там на турнир поедут.

– Стой, а как же я?

– Ты хороший, Сергуня, спору нет, но и меня пойми – Варнаков, это... Варнаков. Второго такого шанса у меня может не быть.

– Ну дела... – протянул я, – вы и о свадьбе уже что ли договорились?

– А то как же, через две недели в гостинице Волна, приходи кстати.

– Спасибо, я подумаю... завтра на учебу-то едешь?

– Ага, еду.

– Тогда у меня для тебя тоже есть новость, я с Анютой помирился, так что завтра все вместе едем.

Думаете, Инна расстроилась? Щас.

– Отлично, вместе веселее будет, – бодро ответила она.

Ну может оно все и к лучшему, думал я перед тем, как заснуть, попробовал сочинить завершающий день стих и плюнул – ничего не придумалось. Завтра у нас значит пятница, практика по программированию, лекция по начерталке и опять физкультура на Воднике. И еще репетиция ансамбля, и еще первое занятие по ритмике, и еще не будем забывать про книжный рынок и гниду Евтушенку, закончилась пора разбрасывать камни и пришла пора бить морды...

Ничего личного, Боря

Копейка завелась с пол-оборота, что это с ней такое? На Лескова забрал сначала Анюту, в двух словах объяснил ситуацию с Инночкой, она сначала посмурнела, а потом развеселилась, упрекнула даже меня, чего это я и хоккеем заодно не занялся, а я ей ответил, что дай срок, может и займусь. Потом на заднее сиденье забралась Инна, всю дорогу они болтали без умолку, в основном Инна рассказывала про своего будущего супруга, а Аня слушала, открыв рот.

Высадил их на Минина, а сам опять в общагу на Лядова, нет, не забыл на этот раз, а специально все спланировал, успел даже с запасом. Занятия прошли скучно и буднично, вспомнить даже нечего, Светочке сказал, чтоб готовилась ко второму тренингу, скорее всего завтра будет, она согласно кивнула. А я посмотрел на часы (уже в принципе и пора) и пешочком прогулялся до книжного рынка, там всего-то метров 300 от Лядова.

Народ уже начал собираться и раскладываться, поглядел по сторонам – нет Евтушенки, ну ничего, мы люди терпеливые, подождем. Пока прошелся по рядам, поприветствовался, «Парень из преисподней» с «Зарубежным детективом», кои у меня умыкнул этот гад, шли соответственно по пятнарику и по двадцатке. Скидывать никто не хотел. Надо будет содрать с Евтушенки побольше, чем мы там предварительно договорились, нет, навар ему конечно надо оставить, но неустойку пусть сполна заплатит, сука...

В самом конце поляны пристроилась пара товарищей с дисками, БониМ и АББА у них в наличии конечно были, по 15 и то, и это. Тоже поторговался и тоже безуспешно, да и хрен с ними в конце-то концов. Когда я третий раз обошел поляну по часовой стрелке, из-за кустов сирени наконец показался искомый кидала. Но не один, с ним вместе шагал высокий такой и кудрявый парнишка, лицо которого показалось мне смутно знакомым. Запустил ускоренный поиск по разделам памяти своего мозга, через несколько секунд щелкнуло – ба, да это ж будущий губернатор Немцов Борис Ефимыч собственной персоной, он же сейчас студент, только учится в универе, на радиофаке же кстати. Очень хорошо, щас придумаем, как его в схему включить, подумал я, потихоньку двигаясь в их сторону...

– Ну здравствуй, дорогой, – сказал я, когда Евтушенко наконец меня увидел, – сколько лет, сколько зим. Как живется, не икается по ночам?

– Почему это мне должно икаться? – хмуро ответил он.

– А то ты не знаешь? Чужое присваивать нехорошо, об этом нам очень доходчиво говорит глава пятая УК РСФСР. Возвращать незаконно нажитое имущество когда собираешься?

– Ах ты... – у Евтушенко аж дух перехватило от возмущения, что какой-то мелкий пацан с далекой-далекой окраины так с ним разговаривает, – да я тебя!

И он сделал попытку схватить меня за грудки, но действовал при этом крайне медленно и неуклюже. Перехватил я короче его правую кисть и взял на излом мизинец, это очень нетрудно оказалось. А когда мизинец на излом берут, это очень больно, граждане, и освободиться от такого захвата очень нелегко, вот и он не сумел, присел на корточки и начал подвывать что-то вроде «ааапустииии-аааа!».

– Книжки отдашь, тогда отпущу, – спокойно сказал я, – можно впрочем деньгами, но извини, с 10% пеней сверху, там ты мне 200 должен был? Значит 220 гони.

Тут вступил в разговор Боря, который Немцов:

– Мне кто-нибудь объяснит, что тут происходит?

– Легко, Боря, легко (– откуда ты знаешь, как меня зовут? – так он к тебе так обращался, пока вы сюда шли, вот я и услышал). Этот говнюк взял у меня на реализацию 20 книжек, а деньги зажал. Вот и все объяснение, я правильно говорю? – это я уже кидале адресовал.

– Ппыывааавильнооо, – промычал он.

– Вот и славно, как тебя зовут-то кстати?

– Ттыттоже Борисом.

Во как... два Бориса выпили по триста.

– Так что насчет денег-то надумал, говори уже, а то палец сломаю.

– Всссеее отдааааам.

Ок, подумал я и отпустил палец. Второй Борис начал его сразу растирать, а я добавил:

– Деньги мне сегодня нужны. Не отдашь, тогда точно что-нибудь сломаю.

– Ладно, через час здесь же.

– И еще это..., – после некоторых раздумий добавил я, – если не передумал пластинки брать, то у меня осталось 10 Абб и 8 БониМ-ов, отдам по червонцу. Ничего личного, один голый бизнес, как говорят наши друзья-американцы, правильно?

– Хорошо, – хмуро согласился Боря.

– Итого значит 220 за книжки плюс 180 за диски выходит ровно 400. У меня машина тут недалеко, могу подбросить туда-сюда для ускорения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.